

Санкт-Петербургский институт истории
Российской академии наук

ВОЙНА И БЛОКАДА

Сборник памяти В. М. Ковальчука

Нестор-История
Санкт-Петербург
2016

УДК 94(47)
ББК 63 3(2)622
В 61

*Утверждено к печати Ученым советом
Санкт-Петербургского института истории РАН*

Редакционная коллегия:
*А. А. Ефимов, М. В. Ковальчук, А. И. Рупасов,
А. Н. Чистиков (ответственный редактор)*

Рецензенты:
д. и. н., проф. Н. А. Ломагин, к. и. н. А. И. Богомолов

В 61 **Война и блокада. Сборник памяти В. М. Ковальчука.** — СПб.: Нестор-История, 2016. — 384 с., ил.

ISBN 978-5-4469-0851-6

Сборник посвящен памяти выдающегося российского ученого, крупного специалиста по истории блокированного Ленинграда и Великой Отечественной войны Валентина Михайловича Ковальчука (1916–2013). В книге представлены статьи и документальные публикации по различным проблемам Великой Отечественной и Второй мировой войны, но главным образом – по истории блокады и обороны Ленинграда. Особые разделы сборника составляют воспоминания об ученом, а также публикация статьи В. М. Ковальчука и Г. Л. Соболева «Ленинградский “реквием”», вызвавшей в советское время политический резонанс, и ряда документов, рассказывающих о продолжении и завершении этой истории.

Сборник предназначен как для специалистов, так и для всех читателей, интересующихся историей Отечества.

ISBN 978-5-4469-0851-6

9 785446 908516

УДК 94(47)
ББК 63 3(2)622

© Санкт-Петербургский институт истории РАН: составление, 2016
© Коллектив авторов: текст, фотографии, 2016
© Издательство «Нестор-История»: оригинал-макет, дизайн, 2016
© В. М. Ковальчук, наследники: предисловие, фотографии, 2016

Вместо предисловия

Этот сборник — дань памяти и уважения выдающемуся российскому ученому, великолепному специалисту по истории блокированного Ленинграда и Великой Отечественной войны, замечательному человеку доктору исторических наук Валентину Михайловичу Ковальчуку.

Отступая от традиционного изложения биографии в предисловии к таким сборникам, редакционная коллегия сочла более правильным поместить рассказ самого Валентина Михайловича, подготовленный им в 2006 году, накануне своего 90-летия.

В. М. Ковальчук

Материал для беседы

Семья моих родителей возникла следующим образом. Будущий отец, Михаил Иванович Ковальчук, 1887 года рождения, украинский крестьянин из села Луканивка Кривоозерского района Николаевской области, в 1914 году был мобилизован и направлен на военный завод в Петрограде. Здесь он выучился на токаря и работал до конца 1917 года на Путиловском заводе.

Во время революции 1917 года, по воспоминаниям моего отца, он охранял какой-то мост. В 1915 году он женился на Екатерине Петровне Сухиной, 1888 года рождения, дочери рабочего, и в 1916 году родился я.

Голод, холод и разруха в Петрограде заставили родителей в конце 1917 года уехать на Украину, где они надеялись переждать самые тяжелые времена. На товарняках они добрались до Курска, но дальше шла линия фронта. И они были вынуждены остаться на два года в Курске, тем более что в апреле 1918 года родился мой младший брат Борис.

В 1920 году мои родители с двумя маленькими сыновьями всё же попали в родное село отца Луканивку. Здесь мы жили до 1930 года, и здесь же я пошел в начальную школу, а потом, класса с четвертого, ходил учиться в райцентр Кривое Озеро.

Когда ситуация в стране наладилась, отец решил вернуться в Ленинград — прежде всего для того, как он говорил, чтобы учить сыновей. Мы переехали в 1930 году. Отец снова начал работать токарем на Кировском заводе и потом на заводе «Электросила». Я учился до 1934 года в знаменитой школе имени 10-летия Октября на проспекте Стачек. Это был настоящий дворец в стиле конструктивизма. Здесь я стал комсомольцем, был избран председателем учкома, а затем секретарем комсомольского коллектива.

В это время в школах работали педагоги, которые определяли, на что больше способны ученики. Я мечтал стать летчиком, но педагоги считали, что мне больше подходят гуманитарные науки.

Во время учебы в школе я занимался в различных кружках. Там мы собирали фотоаппарат, радиоприемник. Еще я ходил в спортивные кружки, собирался стать снайпером, но из этого ничего не вышло, так как при стрельбе в правый глаз попал осколок патрона, который долго не могли извлечь.

После окончания 9-го класса (1934 год) я поступил на исторический факультет Ленинградского института философии, литературы, лингвистики и истории (ЛИФЛИ), который в 1936 году вошел в состав Ленинградского государственного университета. Когда я учился на втором курсе института, был объявлен призыв «Комсомол в авиацию», и я решил осуществить свою мечту — стать летчиком. Прошел все комиссии, в том числе и медицинскую, где мне сказали, что я годен для обучения в летном училище. Но когда я, радостный, собирался идти домой, меня снова пригласили в кабинет окулиста, где после тщательного повторного осмотра сказали, что из-за травмы правого глаза я для летного дела не подхожу. Помню, я тогда очень расстроился, но сейчас понимаю, что всё, что произошло, было к лучшему.

После окончания исторического факультета ЛГУ меня оставляли в аспирантуре, но в наш университет приехал начальник управления военно-морских учебных заведений и объявил о наборе в адъюнктуру на кафедру военно-морского искусства в Военно-морскую академию имени Ворошилова. По мандатным данным и по показателям успеваемости было отобрано 9 человек с нашего курса. Так я стал старшим лейтенантом и был направлен в адъюнктуру на командный факультет в Военно-морскую академию имени К. Е. Ворошилова.

Из нас готовили преподавателей истории в высших военно-морских учебных заведениях. В адъюнктуре я проучился до начала Великой Отечественной войны и был назначен старшим преподавателем кафедры истории военно-морского искусства Черноморского высшего военно-морского училища в Севастополе. В начале осени 1941 года наше училище было эвакуировано сначала в Ростов-на-Дону, а в ноябре того же года расформировано. Его досрочные выпускники продолжили обучение уже в боевых условиях на фронте. После ликвидации училища, в январе 1942 года, я был назначен

в исторический отдел Морского генерального штаба (МГШ), который находился в Астрахани, затем в Куйбышеве и в Ленинграде.

В историческом отделе я состоял в разных должностях и закончил в нем работу ученым секретарем. В историческом отделе я на основе архивных документов составлял секретную хронику боевых действий Черноморского флота. Три тома «Военно-морской флот Советского Союза в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.», написанные с моим участием, были изданы в 1959–1962 годах под грифом «Секретно» и были предназначены для офицеров, генералов и адмиралов армии и флота. Кроме этого, я неоднократно выезжал на Черноморский флот для проверки, сбора и отправки в исторический отдел документов о прошедших боевых действиях флота. Работая в историческом отделе МГШ, я участвовал в написании учебников по истории военно-морского искусства для военно-морских училищ.

Когда исторический отдел находился в Куйбышеве, я в составе пяти сотрудников отдела был допущен к несению оперативного дежурства на запасном флагманском командном пункте наркома Военно-морского флота адмирала Н. Г. Кузнецова, находившемся под Куйбышевским дворцом культуры на шестиметровой глубине. Имея в своем распоряжении узел связи, мы получали из центрального штаба необходимые документы и держали командный пункт наркома в полной боевой готовности. Кроме этого, на основе документов Штаба ВМФ, я вел карту боевых действий Черноморского флота.

В 1951 году я был назначен преподавателем истории военно-морского искусства Военно-морской академии имени Ворошилова. В академии кроме преподавательской работы я участвовал в написании, как правило, секретных учебных пособий и в 1954 году защитил кандидатскую диссертацию на тему «Защита морских коммуникаций осажденного Севастополя». В академии я проработал до 1960 года, когда Н. С. Хрущев затеял сокращение вооруженных сил на 1 млн 200 тыс. человек. Меня это сокращение не касалось, но в это время мне предложили работу в Ленинградском отделении Института истории Академии наук СССР (ныне Санкт-Петербургский институт истории РАН).

Я обратился к начальству с просьбой о демобилизации, и хотя поначалу ее собирались отклонить, так как я был историографом академии, после обращения из АН СССР мою просьбу удовлетворили. Заканчивая мою военную биографию, должен сказать, что сейчас я полковник в отставке, участник Великой Отечественной войны, награжден орденом Красной Звезды, орденом Отечественной войны 2-й степени и двадцатью различными медалями.

В Ленинградском отделении Института истории СССР АН СССР (ЛОИИ СССР АН СССР) я работал младшим и старшим научным сотрудником, заведующим сектором и потом — отделом истории современной России, а сейчас

я главный научный сотрудник. В институте мне было поручено руководить авторским коллективом пятого тома «Очерков истории Ленинграда», посвященного истории города в годы Великой Отечественной войны.

Для пятого тома я писал главы о боевых действиях по обороне Ленинграда. Так как в то время большинство документов по истории войны были еще под грифом «секретно», наш институт обратился в Институт марксизма-ленинизма при ЦК КПСС, где были собраны документы для написания шеститомника по истории Великой Отечественной войны, с просьбой допустить к работе с ними авторов пятого тома «Очерков истории Ленинграда». Но допустили только меня, по-видимому, как имеющего опыт работы с секретными документами. Так что мне удалось собрать в архивах ИМЛ материал для всех авторов пятого тома наших очерков. В 1967 году пятый том «Очерков истории Ленинграда» был опубликован (я стал его ответственным редактором). Это было фундаментальное исследование самых разных сторон жизни и борьбы ленинградцев и защитников города-героя, не потерявшее свое значение и сегодня. Я считаю очень важной эту свою работу по истории Ленинграда в годы Великой Отечественной войны.

ЛОИИ СССР АН СССР впоследствии проделал большую работу по публикации документов по истории Ленинграда в годы Великой Отечественной войны.

В 1966 году нашим институтом совместно с Ленинградским государственным архивом Октябрьской революции и социалистического строительства (ЛГАОРСС) под моей редакцией был опубликован сборник документов и материалов о героической борьбе трудящихся Ленинграда в 1941–1944 годах «900 героических дней». Это был первый сборник, в который вошли новые документы, до того бывшие секретными.

В 1979, 1981, 1983 и 1985 годах был издан четырехтомный сборник документов «В тылу врага» — о борьбе партизан и подпольщиков на оккупированной территории Ленинградской области. В этом сборнике, подготовленном совместно с Институтом истории партии Ленинградского обкома КПСС, я был членом группы составителей, автором предисловия и ответственным редактором.

Большая работа была проделана по подготовке сборника «Оборона Ленинграда 1941–1944. Воспоминания и дневники участников», который был издан в 1968 году с предисловием маршала Советского Союза М. В. Захарова. В нем были помещены воспоминания самых разных людей, переживших те трагические дни. В процессе работы над этим сборником мне посчастливилось познакомиться с некоторыми военными руководителями обороны Ленинграда: маршалом артиллерии Г. Ф. Одинцовым, генералом армии И. И. Федюнинским, адмиралом В. Ф. Трибуцем, адмиралом Ю. А. Пантелеевым, генерал-лейтенантом Б. В. Бычевским и многими другими.

Это были выдающиеся военные деятели и люди высокой морали и культуры. Они принимали участие в заседаниях ученого совета нашего института и много рассказывали такого, что не отражено в архивах. Почти все они написали свои воспоминания, опубликованные в сборнике.

Наконец, когда я ознакомился с основными событиями обороны Ленинграда, я понял для себя, что Ленинград выстоял не только благодаря героизму ленинградцев и защитников города, но и благодаря помощи всей страны, которая поступала по Ладожской дороге жизни. Я стал собирать материал по истории Дороги жизни. Несколько месяцев я проработал в Центральном архиве Министерства обороны СССР в Подольске, где хранились интересовавшие меня документы. И я написал книгу «Ленинград и Большая земля. История Ладожской коммуникации в 1941–1943 гг.». В процессе подготовки этой книги крайне важными стали мемуары, а также личные беседы с Д. В. Павловым — уполномоченным ГКО по обеспечению продовольствием Ленинграда и Ленинградского фронта, А. А. Новиковым — командующим ВВС Ленинградского фронта, Н. Г. Кузнецовым — народным комиссаром ВМФ СССР и другими. Эта книга была издана в 1975 году. По этой теме я защитил докторскую диссертацию, а моим оппонентом стал адмирал В. Ф. Трибуц.

Совет ветеранов Ладожской флотилии «в знак признания большой заслуги в деле популяризации подвига, совершенного на Дороге жизни, и отмечая ценность научных трудов, посвященных исследованию действий фронтовой коммуникации», вручил мне памятный знак «Участник Дороги жизни».

Затем я написал книгу «Дорога победы осажденного Ленинграда: железнодорожная магистраль Шлиссельбург — Поляны в 1943 г.». Она была издана в 1984 году.

В январе 1987 года Президиум Верховного совета РСФСР присвоил мне почетное звание «Заслуженный деятель науки РСФСР» за заслуги в области исторической науки и подготовке научных кадров.

В 2002 году вышла книга «Магистралю мужества: коммуникации блокированного Ленинграда, 1941–1943». В нее вошли переработанные и дополненные книги «Ленинград и Большая земля» и «Дорога победы осажденного Ленинграда». В 2003 году за книгу «Магистралю мужества» я стал лауреатом литературной премии Законодательного собрания Санкт-Петербурга имени маршала Советского Союза Л. А. Говорова.

В 2005 году вышла книга «900 дней блокады. Ленинград 1941–1944». Сейчас я приступаю к подготовке второго издания этой книги. Она будет отличаться от первого издания более подробным изложением некоторых фактов и сюжетов. Могут появиться какие-то новые документы о блокаде, но сенсаций ожидать не стоит.

Кроме «900 дней блокады» в 2005 году была издана книга «Ленинград и ленинградцы в годы блокады». Это сборник очерков, фотографий, документов, подготовленный совместно с А. Н. Чистиковым.

Наблюдая за работой своих товарищей, можно ожидать успехов от членов Ассоциации историков блокады и битвы за Ленинград в годы Второй мировой войны, президентом которой является Ю. И. Колосов.

Вспоминая о моей семье, скажу, что она была сплоченной и дружной. Моя жена, скончавшаяся в 1998 году, преподавала историю партии в Ленинградском государственном университете. Два моих сына, давно ставших самостоятельными, имеют свои семьи. Они окончили физический факультет ЛГУ и стали докторами физико-математических наук. Старший сын, Михаил, живет в Москве и продолжает заниматься наукой. Он член-корреспондент РАН и директор Курчатовского института. Младший сын, Юрий, живет в Петербурге и занимается бизнесом. У меня двое внуков, один правнук и две правнучки.

Отвечая на вопрос, какими качествами должен обладать настоящий историк, могу сказать, что он, прежде всего, должен «заболеть» избранной темой, определить ее важность, степень ее изученности и обладать терпением и усидчивостью в поиске нужных документов. Конечно, основа истории — это факты. Но историк должен уметь анализировать документы, из фактов делать соответствующие выводы.

12 июля 2006 года

I. ВОСПОМИНАНИЯ

Семья Ковальчуков в моей памяти и сознании

Начало шестидесятых годов в советской стране — время динамичное, реформаторское, исполненное надежд и разочарований, радостей и горечи. Карибский кризис, триумфальный полет Юрия Гагарина, серийное освоение атомных подводных ракетноносцев, ракет разных классов, несомненные успехи в экономике, крупные подвижки в общественном сознании и культуре, повышение цен на мясомолочные продукты.

Н. С. Хрущёв, окрыленный первыми успехами политики реформ, в конце 50-х годов начинает новый тур: осуществляются крупные перемены в сфере образования, разворачивается кампания по укрупнению колхозов и выкупу ими техники у МТС. Раз есть крупный, быстро прогрессирующий подводный флот, то к чему теперь мощные надводные крейсеры, авианосцы и пр.? Если есть ракеты, то нужны ли разорительные траты на истребительную авиацию? Под нож идут на верфях недостроенные военные корабли, сокращается численность истребительной, штурмовой авиации, увольняются офицеры, имевшие богатейший боевой опыт, находившиеся на пике жизненных сил. Численность противников Никиты Сергеевича стремительно пополняется и среди высшего чиновничества, и на местах, и в массах рядовых граждан.

Именно в те годы я и познакомился с Валентином Михайловичем Ковальчуком. Сначала до меня дошла информация, что в ЛОИИ СССР АН СССР появился новый сотрудник — демобилизованный капитан первого ранга, кандидат исторических наук. Сказал об этом, кажется, профессор С. Б. Окунь. Я очень удивился: хорошо знал, что в ЛОИИ со стороны историков не берут, стараются формировать коллектив только из числа своих воспитанников. А если иногда и берут, то только по специальной рекомендации обкома КПСС. А в данном случае не просто взяли нового сотрудника, но и вскоре назначили руководителем отдела истории советского общества.

Вскоре представился случай познакомиться лично. Как-то приехал в институт, и меня представили новому начальнику. Передо мной стоял мужчина моего поколения, немного старше меня, с воинской выправкой, выше среднего роста, с запоминающимся красивым лицом в аккуратном, хорошо сшитом гражданском костюме. Светлые, немного редковатые волосы, высокий лоб, крупный благородный нос, хитроватые глаза оттеняли внешность и придавали какую-то значимость всей ладно скроенной фигуре этого человека. Мы познакомились и вскоре, как мне кажется, прониклись взаимной

симпатией. Определенный вес и авторитет В. М. придавал и отличный автомобиль «Волга», стоявший у входа в институт. В те годы подобные машины были разве что у академиков, Героев Советского Союза и Социалистического Труда, да и то далеко не у всех.

В советском отделе у меня было много добрых друзей: А.Л. Фрайман, В.А. Шишкин, О.Н. Знаменский, А.Р. Дзенискевич, Г.Л. Соболев, В.И. Старцев, Ю.С. Токарев и др. С ними я встречался регулярно в Публичной библиотеке, БАНе, архивах. С Ковальчуком же в первое время встречи носили случайный характер, а разговоры не шли дальше институтских, университетских, городских событий и новостей. Я не имел четкого представления о тематике, которой занимается Валентин Михайлович. Но где-то в конце шестидесятых — начале семидесятых годов меня начали приглашать для участия в некоторых заседаниях отдела, выступать в качестве официального оппонента по диссертациям, и наши контакты стали более регулярными. Отдел принимал живое участие в обсуждении варианта моей докторской диссертации. На кафедре истории СССР Института им. А.И. Герцена, на которой работал я, во время обсуждения диссертации на предмет рекомендации к защите с отзывом выступал З.В. Степанов. Его положительное заключение явилось главным основанием для положительного решения. Разумеется, что он предварительно советовался и в своем советском отделе ЛОИИ.

И, разумеется, для меня не стал неожиданностью звонок по телефону Валентина Михайловича с просьбой прочесть его докторскую диссертацию и дать официальный отзыв. Я, естественно, согласился. Про себя подумал, что он, несомненно, смелый человек, представляет работу, посвященную созданию и функционированию «Дороги жизни». В те годы всё еще сказывались последствия ленинградского разгрома конца сороковых годов. Проблематика, связанная с блокадой Ленинграда, входила в науку с большими трудностями. На моих глазах первые документальные публикации о блокаде, подготовленные в Институте истории партии, шли с большим трудом, несколько раз отправлялись на отзывы в Москву. Там копались, медлили. Надо иметь в виду, что и защиты, проходившие в Ученом совете ЛОИИ, утверждались в головном институте в Москве. Так что представление на защиту диссертации, посвященной блокадному периоду, в конкретной обстановке начала 70-х годов, было, безусловно, актом научного мужества и смелости. Мое уважение к Валентину Михайловичу возросло. К тому же диссертация открывала новую страницу в истории блокадного города и войны в целом. После успешной защиты, утверждения ВАКом диссертации В. М. Ковальчука мы встречались и перезванивались регулярно.

К телефону часто подходила его супруга Мириам Абрамовна. Я ее знал довольно давно по университетской кафедре истории КПСС, где она слу-

жила в должности доцента. В конце пятидесятых — начале шестидесятых годов М. А. была в расцвете сил, женской красоты, производила сильное впечатление. Отличный лектор, прекрасный историк, обаятельный и доброжелательный человек. Ее невозможно было не выделить и не запомнить. Но с Валентином Михайловичем в своем сознании я Мириам Абрамовну почему-то не связывал. Когда до меня реальность все-таки дошла, это было очень приятно. Какая это была гармоничная и дополняющая друг друга супружеская пара! Прошли годы, и первое впечатление еще более укрепилось и усилилось. Но об этом расскажу ниже.

А в семидесятые годы наши человеческие и деловые контакты с Валентином Михайловичем продолжали укрепляться. Я постепенно становился своим человеком в ЛОИИ. А это была большая честь для историка. Конечно, сыграло определенную роль и присуждение Государственной премии СССР в составе коллектива института за двухтомник «История рабочих Ленинграда». Но я не был в курсе дела о разрастающемся конфликте в коллективе. Никогда с Валентином Михайловичем на эту тему мы не разговаривали, и я не жалею об этом. Хватало своих забот и тревожений. Ведь меня неоднократно избирали секретарем партийной организации исторического факультета. И я, естественно, оказывался в центре всяких конфликтов, которые случались на факультете в его отношениях с институтским начальством в те годы. А конфликты я терпеть не мог, переживал, нервничал, заработал язву желудка и многие годы не мог от нее избавиться.

Разумеется, какие-то отголоски баталий доходили. На кафедре совместительствовал ряд лет директор ЛОИИ Н. Е. Носов. Со мной советовался заведующий кафедрой истории СССР Ю. В. Кожухов, когда выяснилось, что его освобождают от этой должности, какую линию поведения должна избрать кафедра в конфликте, ставшем очевидным. Я ответил, что, по моему мнению, мы должны продолжать сотрудничество с Н. Е. Носовым и другими работниками ЛОИИ, как было и прежде, независимо от их позиций в конфликте. Второй разговор на эту тему состоялся несколько позже, когда обком КПСС предложил Ю. В. Кожухову возглавить ЛОИИ. Я не советовал ему соглашаться. Он солидаризировался с моими доводами.

Крепли мои связи с ЛОИИ и по другим линиям: развивалось сотрудничество с головным институтом в Москве, с университетом, с Институтом истории партии, которые теснейшими узами были с ним связаны. Но мыслей и задумок, связанных с переходом из Института им. Герцена в ЛОИИ, никогда не было. Я испытывал удовлетворение от работы в педагогическом вузе и менять что-либо в своей карьере не собирался.

Однако во второй половине 70-х годов положение в стране начало меняться. Было принято решение о введении всеобщего среднего образования, которое оказало большое влияние не только на школу, но и на ситуацию

в вузах. Готовить высококвалифицированных учителей становилось всё труднее. Под разными предлогами органы народного образования, министерство, партийные органы развернули настоящую травлю учителей, профессоров и преподавателей вузов, которые осмеливались ставить двойки на экзаменах, требовали стопроцентной успеваемости, объясняя это «государственным подходом» к проблеме. Я с такой политикой был категорически не согласен. Как секретарь парторганизации, поддерживал преподавателей, болеющих за дело, а не за показатели успеваемости. Поддерживал меня и Ю. В. Кожухов. Однако в апреле 1982 года он скоропостижно скончался.

Его кончина многое поменяла на факультете и на кафедре. Вскоре я встретился во дворе института с ректором А. Д. Боборыкиным. Он обратился с вопросом, как бы я реагировал на приглашение на пост заведующего кафедрой истории СССР В. И. Старцева, который многие годы сотрудничал с нашим коллективом. Мне было известно, что Виталий Иванович стремился уйти из ЛОИИ на руководящую работу в какой-либо вуз после того, как директором вместо Н. Е. Носова в конце концов был назначен наш общий товарищ В. А. Шишкин. Я был высокого мнения о Виталии Ивановиче как ученом и очень энергичном человеке и сказал об этом ректору. Многие годы мы с ним поддерживали дружеские связи. Вскоре он пришел на кафедру в ранге ее заведующего.

Параллельно происходили и перемены в моих взаимоотношениях с ЛОИИ и, естественно, с Валентином Михайловичем. Отделу советского общества предложили подготовить очередной (7-й) том очерков истории Ленинграда, охватывающий период с 1966 по 1980 год. Это было весьма ответственное и нелегкое задание. Ответственным редактором по представлению отдела назначили профессора З. В. Степанова. К работе над томом были привлечены почти все его работники и большое число специалистов из институтов академии и других организаций, в большинстве своем сотрудничавших с институтом в подготовке и издании предыдущих томов.

Года через полтора появился первый вариант. К моему глубокому удивлению, Захарий Васильевич обратился ко мне с просьбой отрецензировать его. Он, как это обычно и бывает, оказался сырым. Авторы ряда глав и разделов по своим научным интересам были далеки от тем, по которым им пришлось работать, не успели за короткий срок собрать нужный материал, обработать его, вжиться в период и тему. Я написал длинный перечень недостатков, промахов и, отдавая материал и рецензию З. В., предупредил его, что в таком виде рецензия адресована прежде всего ему для работы. А окончательный текст он может отредактировать, и я его подпишу. Мне не было известно, что тот же вариант был направлен на рецензию в обком КПСС. Это была, несомненно, большая ошибка и отдела, и дирекции, и самого З. В. Они не учли, что предыдущие тома «Очерков» рецензировали работ-

ники обкома, которые в большинстве своем не владели материалом, о котором шла речь в том или ином томе. Здесь же ситуация оказалась иной: обкомовские рецензенты владели гораздо большим материалом, нежели авторы тома, неоднократно выступали в печати по той или иной проблеме, писали брошюры и даже книги по конкретным темам. Естественно, что рецензия оказалась не просто негативной, а разгромной. Для руководства института, для Валентина Михайловича и Захария Васильевича такой поворот дела был крайне неприятен. З. В. вскоре уехал в Москву в отпуск и там скоропостижно скончался. Том «повис».

Мне было известно о состоянии дела, но никаких разговоров ни с кем я не вел. Кончину Захария Васильевича переживал мучительно. С Валентином Михайловичем и Валерием Александровичем Шишкиным никаких разговоров о томе не вел: понимал их состояние и заботы. Чем я им мог помочь?

Ситуация на этом этапе разрешилась для меня парадоксально. В один прекрасный день раздался звонок от директора Института истории партии З. С. Миронченковой. Она попросила отрецензировать уже не первый вариант подготавливаемого учреждением третьего тома «Очерков истории Ленинградской организации КПСС», почти готового к изданию. Я удивился и внутренне насторожился, ведь его отдавали неоднократно на рецензии в обком, посылали главы в Москву. Вокруг состава авторского коллектива шла длительная борьба и всякие дразги. Большинство заведующих кафедрами истории КПСС вузов города считало для себя честью приглашение в состав авторов и предпринимало все возможные и невозможные меры, чтобы стать соавторами. Что касается моей персоны, то я хоть и сотрудничал с институтом, но историком партии не был и старался держаться подальше, зная далеко не все суды и пересуды, которые велись в связи с подготовкой к выпуску этого издания. Ведь оно было первой попыткой создания истории региональной партийной организации в стране!

Отзыв был написан, представлен руководству института, а мне рекомендовали поговорить с авторами. Через некоторое время последовал новый звонок Зинаиды Сергеевны. Она попросила написать новый вариант одного из разделов, посвященных социальной политике. Я насторожился: понимал, что мое появление в коллективе авторов вызовет разные реакции. Но отказываться было невозможно. Написал необходимый материал. К моему глубокому удивлению он прошел все инстанции без замечаний. Изъяли только несколько абзацев, связанных со злоупотреблениями в торговле.

Не буду дальше задерживать внимание читателя подробностями этого сюжета, имеющего лишь косвенное отношение к теме настоящей публикации. Пролетел 1981 год — год моего вступления в пенсионный возраст. На кафедре обживался Виталий Иванович. Становилось очевидным, что он собирается строить кафедру «под себя». Продолжать линию Кожухова

не собирается. Было заметно, что время работы ряда членов кафедры сочтено. Это означало, что я со своей послевоенной социально-экономической тематикой из будущего нашего научного коллектива выпадал. Хотя наши личные и служебные отношения с В. И. Старцевым оставались вполне дружескими, но я начал испытывать возрастающее беспокойство.

Шел 1983 год. Однажды осенью меня пригласил к себе В. А. Шишкин. Он без обиняков напомнил мне о нелегкой судьбе «Очерков» и сказал, что хотел бы видеть меня в качестве его редактора. Все согласования с партийными органами, подчеркнул он особо, институтом осуществлены. «Тебе будет у нас хорошо», — завершил он разговор. Я поблагодарил и ответил, что так просто взять и уйти из Института им. А. И. Герцена не могу, что должен поговорить с ректором А. Д. Боборыкиным, что подумаю и через несколько дней дам ответ.

Весь этот поворот событий был для меня абсолютно неожидан и болезнен. Домой пришел в расстроенных чувствах, позвонил секретарю ректора и записался на прием. Позвонил Ежовым. К телефону подошла Светлана Александровна, которая заведовала на историческом факультете Института им. А. И. Герцена кафедрой методики преподавания истории и обществоведения. Мы с ней много лет поддерживали добрые служебные и человеческие отношения. Оказалось, что и она, и Виктор Анатольевич давно в курсе дела и тех шагов, которые предпринимает руководство ЛОИИ. Светлана Александровна и Виктор Анатольевич однозначно высказались за переход. Они считали, что перспектив на кафедре у меня нет, хотя ни единым словом не хулили Виталия Ивановича.

Через несколько дней я пошел на прием к Боборыкину. Отношения с ним у меня были не то чтобы дружеские, но довольно близкие. У нас были общие печатные работы и даже совместный доклад на всемирном съезде историков, который проходил в Ленинграде в Таврическом дворце. Боборыкин принял меня любезно, а когда узнал, по какому поводу пришел к нему, пересел с кресла за огромным ректорским столом, покрытым зеленым сукном, за специальный маленький низкий столик для разговоров частного порядка.

Я ему сказал, что хотел бы уйти из Института им. А. И. Герцена, объясняя это усталостью от педагогической работы и неудовлетворенностью политикой в области среднего и высшего образования. После введения всеобщего среднего образования, как отмечалось уже выше, в школах началась чехарда с выставлением неудовлетворительных оценок ученикам (почти так же, как сейчас), поскольку в новых условиях среднего всеобщего образования оставление ученика на второй год вело к лишним затратам государства. Министерство, местные органы народного образования и парторганы активно включились в эту работу. Против учителей, выставляющих двойки, развернулся настоящий поход. Их прорабатывали во всех инстанциях. Поход перекинул-

ся и на высшую школу. В двойках обвиняли не столько студентов, сколько профессоров и преподавателей, заявляя, что они просто не могут, не умеют и не хотят учить молодежь. Такому шельмованию подверглась и группа опытных преподавателей факультета, хотя моей фамилии там и не было. О такой позиции Боборыкин знал и ранее. Но на эти темы он не стал вести разговор, спросив, сколько мне лет? А когда узнал, что я уже вступил в пенсионный возраст, то разговор перешел совсем в другую плоскость.

Дело в том, что незадолго перед тем из обкома КПСС в вузы (а возможно, и в другие организации) поступило указание, что работников пенсионного возраста, представляющих интерес для учреждения, следует продолжать держать в штате. Но вновь на работу принимать не следует. А. Д., разумеется, знал об этом, но, видимо, не думал, что аналогичной информацией владею и я. Выслушав меня, он спокойно сказал, что я могу поступать, как считаю нужным, видимо, рассчитывая на запрет партийных органов. Уж он-то знал, чем грозит слушание! Разговор был окончен. Я встал, поблагодарил и направился к двери. Взявшись за ручку, полуобернулся и еще раз спросил: «Значит, я могу идти на все четыре стороны?» А. Д. ответил утвердительно. С тем я и покинул ректорский кабинет. Прошел на факультет, рассказал В. И. Старцеву о ситуации и поехал домой.

По домашнему телефону позвонил В. А. Шишкину, В. М. Ковальчуку, Ежовым. Процедура увольнения прошла очень быстро. А. Д. уехал в очередную командировку в Европу, а замещавший его проректор по заочному отделению, бывший работник обкома, видимо, был в курсе дела. Через два-три дня документы были уже сданы в ЛОИИ. Забегая вперед, скажу, что спустя некоторое время, когда пришел в Институт им. А. И. Герцена на совет по защитах, в коридоре столкнулся с А. Д. Боборыкиным. Он с места в карьер спросил меня: «Что это ты вздумал бегать?» Я ответил: «Вы же сами дали согласие на то, чтобы я шел на все четыре стороны». Он сделал вид, что не расслышал...

В ЛОИИ меня встретили очень тепло. В день заседания совета, на котором должны были состояться выборы, пришел в отдел. На совет мы пришли вместе с Валентином Михайловичем, сели на третий ряд на второе и третье место с правой стороны. Так плечо в плечо мы и просидели на этих местах более двадцати лет. И работали с первого дня «плечо в плечо». Я не помню ситуации, когда бы мы с В. М. разговаривали на повышенных тонах. Я чувствовал его поддержку всегда.

Примерно в течение недели удалось внимательно ознакомиться с общими и постраничными замечаниями обкома. Затем я представил свой вариант структуры тома. Некоторые существенные изменения пришлось внести в первую часть. Второй и третий разделы, посвященные социальному развитию, науке, культурной жизни города, по структуре, устоявшейся в этом

многотомном издании, существенных перемен не претерпели. Разумеется, в первые недели работы в ЛОИИ каждый свой шаг я предварительно согласовывал и обговаривал с В. М. Мы обменивались мнениями и лично, и по телефону по нескольку раз в день.

Работал очень много, с большим увлечением и ответственностью. В архивах тогда по 60–70-м годам XX века материалов либо не было, либо их не выдавали. Так что я к 9–10 часам утра уже был в Публичной библиотеке и сидел до закрытия. В таком темпе и с таким напряжением не работал уже давно, даже в период подготовки докторской диссертации. Никто меня не отвлекал, не давал дополнительных заданий. Два присутственных дня отдавал ЛОИИ, присутствовал на всех заседаниях отдела, на административном и диссертационном советах, членом которых меня избрали и определили. Всё остальное время работал, работал и работал... Книга начиналась с раздела «Территория и население». Такого параграфа в прежнем варианте не было. В учебниках по истории СССР, общих работах многие годы не принято было уделять внимание подобным проблемам. Видимо, негласно подразумевалось, что в СССР и России и того и другого всегда было вполне достаточно. Новых авторов я не собирался привлекать, и над этой и последующими главами работал либо сам, либо в тесном контакте с авторами. Приступая к работе над новым разделом, считал, что обязан, прежде всего, показать, на что способен сам, а уж потом требовать от многочисленного коллектива авторов. Такой порядок одобрили и директор ЛОИИ, и заведующий отделом В. М. Ковальчук.

Не буду злоупотреблять вниманием читателя описанием работы над 7-м томом «Очерков». Отмечу лишь, что примерно через полтора-два месяца раздел, который писал, был готов, отпечатан и представлен Валентину Михайловичу и Валерию Александровичу. Они его внимательно прочли и в основном одобрили. Тогда общей концепции тома и понимания сути развития Ленинграда в 60–70-е годы у меня, разумеется, еще не было. После этого начал заниматься авторскими главами. Как ответственному редактору, мне пришлось избрать жесткий вариант. Другого выхода при наличии разгромной рецензии обкома просто не было. Большинство авторов это понимали, и мы находили решения, приемлемые для подготовки тома. В одних случаях авторы сами дорабатывали свои главы. В других — принимал непосредственное участие в доработке и я. Но не всё и не всегда шло гладко. Однажды в присутственный день ученый секретарь Б. Б. Дубенцов пригласил меня в кабинет и попросил ознакомиться с содержанием письма-жалобы, которое написал автор одной из важных глав, посвященных благосостоянию ленинградцев. Первый вариант этого раздела вызвал особенно жесткие претензии обкома. И, естественно, мои замечания и предложения оказались особенно обширными и в некоторых случаях затрагивали принципиальные

вопросы и взгляды автора. В письме я обвинялся в том, что нарушаю традиции мягкого редактирования, которые утвердились в ЛОИИ задолго до моего прихода. Разговор при разборе раздела между нами был тоже жестким и принципиальным. Автор был близок с Виталием Ивановичем, и не исключая, что перед написанием петиции советовался с ним. По сути, он отказывался от переделки раздела.

Разумеется, к конфликту немедленно подключился Валентин Михайлович. Он ни единым словом не упрекнул меня, понимая, видимо, что другого выхода у меня не было. В разборе конфликта деятельное участие также принимали Б. Б. Дубенцов, М. П. Ирошников, В. А. Шишкин. В результате автор раздела был отстранен от дальнейшего участия в работе. Раздел заново написал Ч. Э. Сымонович.

Между тем от параграфа к параграфу, особенно по проблемам культуры и искусства, работать мне становилось всё сложнее. Приходилось учиться непрерывно, ибо то и дело всплывали вопросы, в которых я был недостаточно компетентен. И я учился, читал, беседовал со специалистами, не стеснялся показаться неучем. Учился у искусствоведов, они проводили для меня экскурсии по мастерским художников, скульпторов. Учились и у меня видеть исторические проблемы. Вместе мы искали пути определенного поворота глав в сторону истории. На финише этой напряженной работы я начал овладевать искусствоведческим подходом и даже осмелился написать варианты сюжетов одной из глав, которая никак не удавалась автору. Был искренне рад, когда он согласился с некоторыми из них.

Эти контакты с очень разными людьми, крупными специалистами складывались успешно во многом потому, что мне постоянно помогал в общении, нахождении общего языка с авторами Валентин Михайлович.

Наши отношения постепенно теплели, становились всё более откровенными и дружескими. К тому же жизненные пути хотя и были очень разными, но мы принадлежали к одному поколению, прожитое, пережитое сближало.

Валентин Михайлович родился в 1916 году, а я в 1921 году, т. е. был моложе его на 5–6 лет. Он в конце 30-х гг. уже окончил исторический факультет ЛГУ, был в числе первых выпускников определен в адъюнктуру военной академии. А я в 1939 году только поступил в Ленинградский военмех, в том же году оказался призванным в ряды Красной Армии рядовым. В. М. всю флотскую жизнь прослужил офицером, а я почти до конца 1944 года оставался сержантом-авиамехаником, старшиной; офицерское звание получил лишь в конце войны, не намеревался продолжать службу после ее окончания. И только повинуясь приказу, честно отдал армии еще десять лет. В результате он завершил службу капитаном первого ранга, а я — всего лишь капитаном. Разница огромная. А продолжительность выслуги у нас оказалась почти одинаковая, и пенсия примерно одинаковая, хотя

за высокое звание В. М. получал заметно больше. И тем не менее мы были людьми одного военного поколения. Наши взгляды, оценки окружающих людей, событий оказывались обычно близкими. Но мозги в науке «крутились» у нас по-разному. Он стремился постичь факты, собрать их возможно больше и полнее для потомков, а я факты, разумеется, тоже ценил, но был склонен к анализу процессов, явлений. Мы как бы дополняли друг друга. Но он занимался историей Великой Отечественной войны, а я — историей народного хозяйства, экономики после победы. Если встречал что-нибудь интересное для В. М., то немедленно звонил ему, а если ему попадался материал, который мог заинтересовать меня, то он тут же говорил об этом мне.

Так, зять подарил мне два тома воспоминаний немецкого офицера, принимавшего участие в блокаде Ленинграда. Тут же позвонил Валентину Михайловичу, привез ему эти книги. Он расширил круг немецких авторов и написал ценное исследование, которое синтезировало всю обстановку, которая складывалась в блокадном городе и вокруг него.

Так мы и жили, обогащая и помогая один другому. Я очень любил слушать короткие рассказы В. М. о службе в Главном штабе ВМФ. Ему в числе узкого круга офицеров было доверено осуществлять дежурство по штабу. Надо было точно знать обстановку на разных флотах и флотилиях и уметь мгновенно принимать нужные решения. Словом, это была сложная и исключительно ответственная работа, которая была по плечу лишь избранным. А я бывал дежурным по полку. Понимал состояние дежурного, хотя рамки и степень ответственности были несопоставимы. Коллизии и ситуации, конечно, различны, а переживания в чем-то схожи. Так мы и жили, работали.

В 1986 году Валентину Михайловичу стукнуло 70 лет. Возраст немалый. Но он был, как это говорится, на коне. На банкет в «Метрополе» собрались ближайшие друзья и родственники из Ленинграда и Москвы. Пригласили и меня. Разгар лета. Еду на метро: совсем рядом. Поднимаюсь по лестнице. Вот и зал. Длинные столы, как тогда было принято, уставлены всякими яствами. Хотя там и не было французских вин, устриц, итальянских каштанов и прочих заморских изысков, но всё было с пылу с жару, и никакой тебе заботы об экологии. Встретили меня Мириам Абрамовна и сам виновник торжества очень приветливо, усадили за стол рядом с собой, познакомили с сыновьями и родственниками.

От В. М. слышал много о сыновьях, особенно о Мише, о призыве его во флот, о прохождении службы, о поездках к нему, о женитьбе... Он оказался крупным мужчиной, улыбчивым, доброжелательным, контактным. С Юрой только успел познакомиться. Кругом были знакомые лица. И хотя забот и тревог у меня с 7-м томом в ту пору было выше головы, вся торжественная, непринужденная атмосфера банкета как-то помогла на время успокоиться, разрядиться, отвлечься. Юбилей стал светлым пятном

в моей напряженной, отрешенной почти от всяких мирских забот и треволнений повседневности жизни, погруженности в науку.

Наконец наступил период работы с издательством. Здесь уж В. М. помочь мне не мог. Издательство, прекрасно зная всю историю работы над 7-м томом, выделило одного из лучших и опытнейших редакторов Т. Н. Богданову. В течение целого ряда месяцев Татьяна Николаевна давала мне уроки редактирования. Многому научился у нее, о многих секретах узнал. Ознакомился с целым сегментом справочной литературы, с которым ранее плотно не работал. Ходил в издательство несколько раз в неделю, как на работу. «Обсасывали» каждую фразу, каждый абзац, порою долго думали и гадали над одним словом. Спорили. Расходились, думали, приглашали главного редактора издательства, но в конце концов находили или компромисс, или решение. Ранее я спорадически общался с редакторами этого издательства. Особых претензий у них к моим работам не было, и мы быстро улаживали все вопросы. Теперь было совсем другое. Часть материала отдавал авторам на доработку, а часть заново переписывал сам. Нередко советовался и с Валентином Михайловичем. Никогда не считал зазорным учиться, удивляться человеческой мудрости и своей глупости. И ныне, на склоне лет, учусь и удивляюсь.

Параллельно с редакционной работой было решено отдать том на рецензию в обком. Поехали мы вместе с В. М. Вошли в Смольный. Здесь дули уже совсем иные ветры — ветры горбачевской перестройки. Чувствовалось, что обкомовцам не до нас и нашего тома. За те годы сменилось несколько первых секретарей обкома и горкома КПСС. На смену Г. В. Романову пришел Л. Н. Зайков (1983–1985), а после его отъезда в Москву, избрания в состав Политбюро, «выплыл» Ю. Ф. Соловьёв (1985–1989), на смену которому пришел не имевший ранее отношения к партийной работе Б. В. Гидаспов (1989 — август 1991). Особых замечаний у обкомовцев не было, но с учетом нового курса рекомендовали уделить внимание недостаткам и негативным сторонам, проблемам развития города. Архивный и газетный материал у меня был собран. Тогда и было решено дополнительно включить специальный обобщающий раздел «Итоги экономического развития Ленинграда. Город и регион в системе народно-хозяйственного комплекса СССР. Внешнеэкономические связи». Работал над ним в отпуске в Трускавце. За месяц справился. Рецензировали Валентин Михайлович и Валерий Александрович. Быстро передали в издательство, и последний том капитального издания «Очерков» пошел в печать.

Как-то позвонил мне автор главы о кино Д. Г. Иванеев, один из старожилов «Ленфильма», и предложил билеты в Дом кино на премьерный показ документального фильма «Перед судом истории» о В. В. Шульгине. Я предложил В. М. пойти на фильм. Он с удовольствием согласился и заехал

за мной вместе с Мириам Абрамовной, кажется, на «Москвиче». Машину он еще водил сам. Мы не спеша ехали в Дом кино по Невскому проспекту, беседовали, свернули на Итальянскую и остановились перед самым Домом кино. Народу было много. Пришлось с трудом протискиваться сквозь толпу жаждущих попасть на просмотр. После фильма состоялось краткое обсуждение. Мы были под большим впечатлением от увиденного и услышанного. Все были историками, хорошо знали фактическую историю событий революционных и послереволюционных лет. Но вот такая история, вывернутая наизнанку судьба умного, активного, с авантюрными задатками неординарного человека, думавшего, думающего теперь совсем не так, как мы, и воспринимавшего события совсем по-другому, впечатляла и потрясала. Мы на обратном пути горячо обсуждали этот, несомненно, удачный документальный фильм. Мириам Абрамовна, видимо, чувствовала себя не совсем хорошо, подустала. Это была последняя личная встреча. После нее мы общались по телефону. Она повторяла вновь и вновь, что чувствует себя всё хуже. Вскоре ее не стало.

Тяжко описывать утрату. Валентин Михайлович внешне перенес катастрофу спокойно. Но через непродолжительный срок начал заметно сдавать. Ноги стали отказывать. Ходил с палочкой, мучительно тяжело подымался по лестнице на второй и третий этаж института. Стал жаловаться на недомогания. Отказался от управления автомобилем. Начал ездить на «Мицубиси», предоставленном ему Юрием Валентиновичем. Нередко после работы приглашал меня доехать с ним до «Черной речки».

Настали лихие девяностые. Мы их переживали вместе. Хотя жизнь Валентина Михайловича и моя в новых условиях складывалась по-разному, но оценки событий в общем совпадали. Главным стала защита памяти об Отечественной войне, о блокаде Ленинграда. Хотя война давно закончилась, но она была в нас, в нашем естестве, постоянно напоминала о себе. И это — до конца.

На обсуждение отдела была вынесена кандидатская диссертация К. М. Александрова, которая была посвящена формированию и действиям армии генерала-предателя А. А. Власова. С власовцами мы сталкивались на фронте. В Германии я нашел пластинки с записями песен казачьего хора им. генерал-атамана Каледина — русских эмигрантов первой волны, покинувших Россию после разгрома белого движения. В них сквозила такая горькая тоска по утраченной Родине, что, как говорится, мороз по коже пробегал. Может быть, я так воспринимал эти известные мне с детства напевы и потому, что сам ужасно тосковал по дому, по России. Никогда не был, как говорится, «квасным патриотом», ни тогда, ни теперь. Искренне восхищался красотами, дорогами, многими сторонами уклада жизни Германии и немцев. Но сердце тянулось и ныло о своем российском, сибирском.

Может быть, и поэтому начал задумываться о боли и переживаниях других, совершенно чуждых мне людей, врагов, которые якшались с гитлеровцами.

Пронеслись десятилетия, рухнул Советский Союз, за победу которого мое поколение боролось не на жизнь, а на смерть, но чувство это, раз родившись, не забылось и не пропало. Оно проявлялось не раз в конкретных острых жизненных ситуациях. И тогда, читая диссертацию Александрова, возмущаясь ее откровенно антисоветской направленностью, я не мог не отметить и несомненные достоинства — огромный фактический материал, добытый в зарубежных и советских архивах. Вероятно, это же привлекло внимание Валентина Михайловича. В своих оценках он подчеркивал и новизну, и нетрадиционность подходов диссертанта. Мы неоднократно обсуждали работу, добиваясь устранения политизированности и объективности оценок. На всех обсуждениях обязательно присутствовали А. Н. Цамутали, который в ту пору возглавлял отдел капитализма, и член-корреспондент РАН. Р. Ш. Ганелин. Они, по-видимому, имели какое-то отношение к появлению работы в институте, опасались нашего с В. М. негативизма в ее оценке. Постепенно выявлялись источники политизированности, откровенного антисоветизма диссертанта — связи с журналом «Посев», разрыв с научным руководителем Б. А. Старковым и др. Не буду далее задерживать внимание читателя. На заседании, рекомендовавшем работу к защите, я при поддержке В. М. прямо спросил у Александрова: расценивает ли он войну 1941–1945 годов как Отечественную или считает ее нацистско-советской войной? Он ответил, что считает ее Отечественной. Собственно, это поставило точку на рекомендации. Правда, позже в ряде печатных работ он отходил от подобной оценки. Но это уже дело его совести, а не моего рассказа. Было еще немало острых моментов, когда приходилось сражаться за правду о войне. Мы с В. М. всегда были вместе.

Настал момент, когда состояние здоровья В. А. Шишкина потребовало его формального ухода с поста руководителя отдела. Обстановка с кандидатурами оказалась непростой. Я не участвовал в обсуждениях и решениях о кандидате. Могу только засвидетельствовать, что Валентин Михайлович стоял горой за кандидатуру А. Н. Чистикова. Уверен, и это показали все последующие события, что В. А. был полностью прав и еще раз доказал свою дальновидность.

Шел 2006 год — год 90-летия Валентина Михайловича. Летом, в июле, работников отдела и еще несколько человек из коллектива ЛОИИ пригласили на банкет во дворце Белосельских-Белозерских. Специально приехал сдачи в город. На Невском повстречался с директором института В. Н. Плешковым и его женой. Вошли в хорошо знакомый мне подъезд, где совсем недавно размещался Куйбышевский РК КПСС, и поднялись по хорошо знакомой парадной лестнице. Здесь уже стояли Д. А. Гранин, А. А. Фурсенко

и другие. Немного поодаль, окруженный небольшим числом гостей и родственников, находился сам юбиляр. Мы, разумеется, подошли, поздравили его. Шел общий оживленный разговор. Через непродолжительное время подъехали и остальные приглашенные. Минувя вход в большой зрительный зал, все проследовали в следующие дворцовые покои. Здесь был устроен небольшой буфет прохладительных и горячительных напитков. От ярких этикеток (наклеек на всевозможных бутылках) рябило в глазах.

Распахнулись двери в дворцовую библиотеку, в которой бывал много раз. В райкомовские времена здесь располагался лекционный зал, стояли ряды стульев, у противоположной стены была сделана небольшая балюстрада, на которой обычно находился стол для президиума и небольшая трибуна для лектора или выступающего. Теперь балюстраду, стол и трибуну убрали, прекрасный паркетный пол выровняли, стены и панели библиотеки подновили. В центре стояли четыре или пять одинаковых больших круглых прекрасно сервированных столов. Нас любезно встретили вышколенные официанты и официантки, помогли найти свое место, обозначенное табличкой. Все работники отдела оказались за одним столом. Другой стол или два заняли многочисленные родственники с детьми, следующий был отведен для ближайших друзей. Здесь уселись А. А. Фурсенко и его сыновья, Д. А. Гранин и еще несколько человек. И, наконец, за последним столом сидел Валентин Михайлович, московские гости из академии. Было несколько пустых стульев. Их позже заняла губернатор Санкт-Петербурга В. И. Матвиенко и сопровождающие.

Чествование началось. Не буду пересказывать содержание речей. Бесспорно, центральная роль отводилась документальному фильму, посвященному юбиляру. Снят он был профессионально. А комментировали видеоряд Миша и Юра. В качестве своеобразного аккомпаниатора их дополнял Д. А. Гранин.

Добрые комментарии, приправленные тонким юмором, задушевностью тона, как-то незаметно растворили официальную ауру юбилея. Нарядные и строгие панели библиотеки, роскошный паркет словно отодвинулись куда-то, стушевались. Пространство наполнила непринужденная атмосфера семейственности. Завеса официальщины ушла. Фильм и комментарии к нему изредка прерывались возгласами Миши и Юры, уточнявшими и дополнявшими фильмский комментарий, взрывами смеха, отдельными возгласами родных и гостей.

Эту домашнюю атмосферу дополнил, но не изменил приезд Валентины Ивановны Матвиенко, которая вовсе не официальным тоном зачитала указ Президента о награждении Валентина Михайловича Ковальчука орденом, поздравила и пожелала всех благ и здоровья, запросто уселась за праздничный стол. Чествование продолжилось, но дух семейного, доброго, радост-

ного праздника не уходил. Невольно подумалось, что мудрость и любовь Мириам Абрамовны посетили эти торжественные залы. Замечательной атмосферой, а не дворцовыми покоем и щедрыми угощениями памятный вечер юбилея, прежде всего, и запал в мою душу.

В ближайшие дни позвонил Валентину Михайловичу. Тон, запал у него были радостными, но усталость чувствовалась. Отпуск минул. Он аккуратно продолжал приезжать в присутственные дни в институт, который сменил статус филиала и стал именоваться Санкт-Петербургским институтом истории РАН. Однако болезни одолевали. С грустью и тревогой мы замечали, как ему становилось всё труднее подниматься по лестнице, ходить по коридорам. Часто ложился на профилактику в клинику Песочного. И разговоры по телефону, видимо, не приносили ему былой радости общения с товарищами.

Как-то незаметно все мы ощутили, что ему трудно и утомительно общаться. Не сговариваясь, решили, что общение следует ограничить. С В. М. главным образом общался, ездил к нему А. Н. Чистиков, а потом рассказывал о его состоянии и кратких разговорах.

О последних месяцах, неделях и часах, когда Валентин Михайлович жил безвыездно на даче у Юрия Валентиновича, мы уже узнавали урывками. Да и нас, его многолетних друзей и товарищей, время не щадило.

Скоро исполнится год, как пришла горестная весть о кончине Валентина Михайловича Ковальчука. Я уже не мог проводить его в последний путь. Но память о человеке, подарившем мне четверть века спокойной, напряженной, плодотворной творческой работы, о замечательной семье Ковальчуков, о роскоши дружеского общения — всегда со мной.

Вот, как любил говаривать Валентин Михайлович, завершая свои неофициальные речи, такие пироги.

Август 2014 года

Вспоминая Валентина Михайловича¹

Я работал с Валентином Михайловичем на протяжении всего времени его службы в институте. Я поступил раньше, чем он. Когда он поступил, то Владимир Васильевич Мавродин, который любил давать людям летучие характеристики, и у меня был случай убедиться, что он всегда оказывался прав, сказал: «Хороший парень, не пожалеете». И действительно, весь путь, который В. М. прошел на моих глазах в институте, был путем очень достойного и, я бы сказал, очень порядочного человека.

Валентин Михайлович был очень красивый мужчина, и этому есть общего кадрового характера объяснение. В 1939 году был создан наркомат Военно-морского флота. Н. Г. Кузнецов сам был красивый человек. У него, очевидно, была такая установка: его кадровики подбирали личный состав, чтобы «огурчик был отборный любительский». Почему я в этом убежден? Мы жили напротив открытого Н. Г. Кузнецовым Военно-морского факультета Первого медицинского института, и они ходили строем. Такого количества настоящих интеллигентных, красивых и действительно отборных мужчин я никогда не видел. К сожалению, большая их часть погибла в октябре 1941 года. Их эвакуировали по Ладоге на барже, и эту баржу немцы сумели разбомбить. Есть братская могила в Кобоне. И то же самое, например, не было еще ни Военно-исторического института, никаких военно-исторических структур в том, что называлось сухопутными войсками, а в Главном морском штабе был военно-исторический отдел. Я не знаю, как это было в Москве, но на истфаке ЛГУ начался тоже отбор, и несколько человек, из которых я знал только В. М. и С. Л. Пештича, туда были отобраны. Кроме того, моряками были (это уже было во время войны) и Окунь, и Шапиро. И это тоже было не случайно, потому что они были тоже отобраны.

Я не знаю, при каких обстоятельствах был ранен В. М., но он был ранен легко, вылечился и попал в дубликат Главного морского штаба — запасной флагманский командный пункт наркомата Военно-морского флота, базировавшийся в Куйбышеве. В Москве всё это помещалось на станции метро «Кировская». Поезда проходили без остановки, там всё было зашито фанерными щитами, а за ними был даже кабинет Сталина. Эта станция была очень глубокая. А в Куйбышеве, об этом недавно была передача по телевидению, было подземелье и т. д. Вот там В. М. получил школу штабистской

¹ Выступление на заседании отдела современной истории России СПбИИ РАН, посвященном памяти В. М. Ковальчука 12 ноября 2013 г.

работы, и это не было пустым времяпрепровождением. По некоторым рассказам людей, которые это всё знали, там вырабатывались планы операций, которые Кузнецов и командование флота использовали, а они, надо сказать, действовали с некоторой самостоятельностью, потому что, как пишет Кузнецов в своих мемуарах, благодаря Владимиру Антоновичу Алафузову, исполнявшему перед 22 июня 1941 года обязанности начальника Главного морского штаба, ему удалось, вопреки Сталину, привести флот в готовность № 1. В. А. Алафузов потом, после отсидки, жил в Ленинграде и работал в компании, к которой В. М. тоже имел отношение. Это были оказавшиеся в редакции Главного морского атласа полковники Фрумкин, Гельбо и сам вице-адмирал Алафузов, который был главным редактором этого издания; там работали наши коллеги В. И. Райцес, Р. Г. Скрынников, Н. Н. Чижова и еще некоторые. А когда туда на работу поступил мой друг В. Я. Голант, то Алафузов, как настоящий стратег, издал специальный приказ, чтобы он сидел дома, потому что он заболтает весь персонал, и никакой работы не будет. Это было, между прочим, серьезное историческое учреждение в Ленинграде. Но В. М. примыкал к нему только отчасти, потому что стал ученым секретарем исторического отдела Главного морского штаба. Это всё находилось в помещении германского посольства.

Алафузов был человеком очень большой интеллигентности, но, надо сказать, и сам пост начальника Главного морского штаба был занят человеком очень интеллигентным — генералом флота И. С. Исаковым, который был, кстати сказать, недюжинным беллетристом и печатался в «Новом мире» как писатель. В. М. вышел из этой среды. Если я не ошибаюсь, фамилия начальника этого исторического отдела была генерал-майор Кулаков, который ничего худого не сделал, кроме того, что, находясь в гостях в застолье, стал вспоминать, как он слушал Троцкого, и лишился своего поста. Его, к счастью, не посадили.

Некоторое время В. М. оставался ученым секретарем этого отдела и был не то чтобы во главе, но играл там довольно большую роль. В этом качестве он получил поручение заключить со всей истфаковской профессурой договоры на написание каких-то монографий по истории флота. Единственный выполнивший этот договор был В. В. Мавродин. Он написал книгу «Начало мореходства на Руси». В. М. обратился к Б. А. Романову с просьбой написать историю флота в Русско-японской войне. Надо сказать, что наш учитель к военно-исторической теме относился, я бы сказал, легковесно, но в тот же день позвонил мне и сказал: был очаровательный подполковник, всё подписали, но я, конечно, не знаю, что писать про флот в Русско-японской войне. Потом этот отдел закрыли, и В. М. стал, если я не ошибаюсь, преподавателем Военно-морской академии. Но тут подоспело хрущевское сокращение, и он, как выслуживший 20 лет, был демобилизован. С подачи Владимира Васильевича он стал нашим коллегой.

Ходили слухи, что у него были связи, никакого следа этих высоких связей я никогда за ним не видел. Но был свидетелем того, что он с самого начала стал приводить в ЛОИИ настоящих военачальников. Надо сказать, что они у него только что строем не ходили, но слушались они его безотказно. Был Ученый совет, посвященный тому «Истории Ленинграда», который касался Великой Отечественной войны, том пятый. Они собрались в подвале БАНа, если вы помните, там был актовъй зал, и стали учить нас источниковедению. Скажу вам, довольно эффективно. Вспоминаю, там был генерал-полковник В. П. Свиридов, который сказал: «Вы сейчас негодуете, что вас не пускают в архивы, не дают секретные документы. Не обольщайтесь. Когда заняли ту территорию, с которой производился артобстрел Ленинграда немцами, то обнаружилось, что там всего несколько каких-то жалких орудий. Когда об этом сообщили, то было велено написать, что там было... Ну и написали. Вот теперь всё это засекречено, всё примерно в таком духе...»

Но затем нам была изложена ими же, а В. М. тихо сидел в углу, история полковника Фрумкина. Дело в том, что наркомат Военно-морского флота имел свою разведслужбу, и Фрумкин был заместителем начальника этой разведслужбы. Был петергофский десант, где он дал сведения, что можно атаковать, а немцы этот десант уничтожили. И была дана телеграмма Жукова: полковника Фрумкина расстрелять. Жукова отговорили от этого намерения, но он, тоже источниковед, кончая свой монолог о Фрумкине, сказал: «А телеграмму сохранить». Вот вы найдете эту телеграмму, сказал, по-моему, адмирал Н. К. Смирнов, член Военного совета, а я только что говорил с Фрумкиным по телефону.

И еще две встречи, в которых я участвовал в Москве. Вот тут действительно роль В. М. была как рука полководца. Мы были вместе с В. В. Петрашом. Гостиница «Якорь», номера там были бедные. В. М. сказал: «Вечером должен приехать генерал армии М. М. Попов, нужно купить пол-литра коньяку, один лимон и 100 г сахарного песка». Мы предложили купить угощение, но В. М. ответил: «Я сказал, что нужно». Это было довольно поздно вечером в морозный день. Появился генерал армии в полной генеральской форме, но апаш. Он извинился за то, что без галстука, и объяснил, что галстук в кармане, потому что порван. Генерал любил выпить. ЗИМ стоял под парами внизу, порученец время от времени справлялся, как поживает генерал армии, а он рассказывал нам о войне, ссылаясь на то, что вот В. М. просил его говорить всё, как есть. Рассказал о своих встречах со Сталиным, рассказал о том, что в Ленинграде знали о начале войны ночью и речь Молотова никакой роли тут не сыграла, что он приехал из Карелии, поезд прибывал в 5–6 утра, и шофер на вокзале сообщил ему о гитлеровском нападении. Рассказал об аресте Мерецкова, которого он на личном самолете по звонку из Москвы отправлял из Ленинграда, кажется, 23 июня в Москву, и летчик,

вернувшись, сообщил ему, что, наверное, Мерецкова забрали, потому что его прямо на аэродроме двое сотрудников НКВД одели в плащ, закрыв знаки различия, и куда-то повезли. Все эти бытовые подробности В. М. умел выявлять каким-то способом, я бы сказал, человеческого контакта с людьми.

Защита его докторской диссертации была очень интересной. Приехал адмирал Трибуц, командующий Балтийским флотом. У него была докторская степень, правда, не знаю, каких наук. Он выступил с блестящей речью о работе В. М. Очень хорошо выступал московский историк из Военно-исторического института — Проэктор. Это было очень здорово. В. М. на глазах академизировавшись и стал в Академии наук своим человеком. Это было очень приятно для окружающих.

В. М. старался быть очень хорошим товарищем, и это ему удавалось. Думаю, что этот кадровый принцип, который Н. Г. Кузнецов задал в своей кадровой службе, оказался довольно эффективным. И на протяжении всех моих контактов с В. М. он всегда был очень компетентным и интересующимся делом коллегой. Мне сейчас трудно сказать, в какой мере он был причастен к визитам Хозина (их было два в наш институт), но думаю, что был. Это было странное обстоятельство. 1965 год, 20-летие победы, и был приглашен Хозин, но почему-то Ленинградский обком на него взелся, и его лишили приглашения, хотя он только что был демобилизован с очень приличного поста начальника курсов «Выстрел». И Николаю Евгеньевичу Носову, тогдашнему директору института, пришлось выступить не только как пригласителю, но и с большим трудом добыть ему билет на торжественное заседание, кажется, на галерку. С трудом достали номер в гостинице «Киевская» на автовокзале. Такие были неизвестно какого происхождения интриги. И когда шофер, которого вызвал Н. Е., фронтовик, узнал, кого он повезет, у него вырвалось: да он же мог город сдать немцам, я его один встречаю, это ж надо...

Я участвовал в обеих беседах, которые состоялись. В. М. присутствовал при этом. Повторяю, я не могу определить его организующую роль. Большую роль в этом сыграла Л. И. Деревнина, потому что она была секретарем редакции сборника воспоминаний о блокаде, в который вошли воспоминания Хозина. В воспоминаниях был, в частности, вопрос о вывозе зерна и муки из Ленинграда 20, 21, 22 июня 1941 года. Хозин сообщил, что Жданов, с которым они подолгу сидели в бомбоубежище, ему рассказал о команде вывезти и т. д. Мне кажется, что была его собственная рукопись, я помню его почерк. Всё это пошло в издательство «Наука», и в издательстве потребовали справку из Министерства внешней торговли. Из Министерства прислали письмо о том, что в документах сведений нет и ничего подобного установить нельзя. Потом раздался звонок, а у нас был один телефон на весь институт у секретаря Веры Федоровны Варфоломеевой и на столе

у нашего в то время бухгалтера Леокадии Павловны Кондзерко. Я взял трубку. Какой-то довольно старческий голос попросил позвать Л. И. Деревнину. Звонивший сказал о том, что он читал письмо в Министерство внешней торговли. Он представился и сказал, что был управляющим «Союзэкспортхлебом» и готов подтвердить всё то, что Хозин рассказал. Он сказал, что до сих пор работает экспертом, бывает в Ленинграде и встречается с начальниками емкостей (помню это выражение), и они тоже могут подтвердить (они до сих пор еще служат), что всё это так и было. А сейчас в мемуарах И. С. Вербловской есть история соседа по коммунальной квартире, который вел теплоход с лесом немцам, в те самые дни он был обстрелян. Он дал немцам радиogramму о том, что он по соглашению везет лес, и тогда его разбомбили, и он погиб. В. М. старался придать человеческий характер всему тому, что в этом томе «Истории Ленинграда» было написано, и тому, что он сам писал о блокаде. Позже, когда интерес к этому исчез, а потом снова стал возрождаться, издательство Ленинградской области, сейчас не помню его названия, предприняло переиздание его книги о блокаде, и он обратился ко мне с просьбой написать к ней предисловие. Я написал не только об этой книге, но и несколько слов о нем самом.

Вообще должен сказать, что из коллег, из друзей по работе В. М. для меня — один из самых незабываемых.

Вспоминая Ковальчука

Первое, что приходит на память, так это спокойный, изучающий взгляд мудрого человека. С первых же минут общения с Валентином Михайловичем Ковальчуком я почувствовал к нему симпатию. Так бывает, когда встречаешь человека, у которого ты многому можешь научиться, чувствуя его отзывчивость и готовность поделиться своими знаниями и опытом. Валентин Михайлович стал моим наставником в теме блокады Ленинграда.

Видимо, и я был ему интересен, так как наши встречи в его квартире стали регулярными и не проходили бесследно. В новых его книгах я находил темы, которые мы до этого обсуждали. В первую очередь его интересовали мои разработки, касавшиеся действий немецких войск под Ленинградом. Валентину Михайловичу, как человеку, ориентированному на всё новое, что появлялось в печати, интересно было узнать, о чем писал бывший противник в своих мемуарах. Здесь я оказался ему полезен как переводчик с немецкого языка.

Тапочки и форель

Первое мое посещение в 2005 году квартиры Валентина Михайловича на Васильевском острове запомнилось не столько содержанием нашей с ним беседы, а тем, что он достал и вручил мне комнатные тапочки. Они были абсолютно новые, еще в целлофане. Ковальчук вручил мне их со словами: «Они теперь ваши, будут стоять отдельно от других». Это был знак уважения питерского интеллигента к своему гостю. Так я это тогда воспринял, так считаю и по сей день.

Валентину Михайловичу было уже около 90 лет, у него имелись серьезные проблемы с ногами, передвигался он с помощью ходунков, тем не менее обходился без посторонней помощи. В тот день он предложил мне побеседовать с ним за ужином. Видимо, ему хотелось больше узнать о только что вышедшей моей книге «По обе стороны блокадного кольца». Пока готовилась форель, привезенная ему с Карельского перешейка, я просматривал одну из его статей. Валентин Михайлович в это время хозяйничал на кухне, решительно отвергая мои попытки помочь ему. Еще толком не зная собеседника как историка, я уже начал проникаться уважением к нему как к человеку. Я не знал, с чем связывать знаки его внимания ко мне. Уже позднее

понял, что Валентин Михайлович так вел себя со всеми, кто был ему симпатичен. За это сердечное отношение к человеку его все любили и выделяли среди других историков. Это был его природный дар.

Хлеб, оказавшийся шоколадом

Однажды Валентин Михайлович подарил мне фотоальбом «Ленинград в годы Великой Отечественной войны». Альбом был выпущен в 2005 году в Санкт-Петербурге с пояснительным текстом Ковальчука. В нем была помещена фотография, изображавшая трех кондитеров за работой. Снимок сопровождался пояснительной надписью: «Осмотр готовых батонов». Историк был абсолютно уверен, что речь шла о хлебе. Я встречал уже эту фотографию, но где и при каких обстоятельствах, не мог сразу вспомнить. Придя домой, стал рыться в своей библиотечке и вскоре наткнулся на немецкую книгу «Blockade. Leningrad. 1941–1944», вышедшую в Гамбурге в 1992 году. В ней оказалась не только эта фотография, но и еще несколько других, рассказывающих о продукции 2-й кондитерской фабрики в Ленинграде в декабре 1941 года. Авторы немецкой книги утверждали, что речь шла о шоколаде, а не о хлебе. Подтверждением служили другие снимки, сделанные на этой фабрике в тот же самый день 12 декабря 1941 года. На них было запечатлено изготовление венских пирожных и любимых всеми ленинградцами ромовых баб.

Когда я поделился своим открытием с Ковальчуком, то он надолго погрузился в изучение этих снимков, держа перед глазами для лучшей видимости увеличительное стекло, а затем посоветовал мне посетить Центральный государственный архив кинофотофонодокументов Санкт-Петербурга, который расположен на Шпалерной улице. Чувствовалось, что увиденное стало для него потрясением. Валентин Михайлович, занимавшийся уже долгие годы историей блокады, не мог поверить, что подобные факты беззастенчивого пиршества в самое голодное время блокады могли быть даже задокументированы. Снимки делались в смертное время, когда ленинградцы получали 125 граммов блокадного хлеба. В архиве подтвердилось то, что всю блокаду в Ленинграде для избранных производилась сладкая продукция.

Как Ковальчук заказывал мне книги

У Валентина Михайловича была оригинальная черта доставать новые книги по истории. В силу своей болезни он не мог посещать книжные магазины, но от этого его тяга к новым историческим материалам не ослабевала. Напротив, каждый раз, когда я приходил к нему, он тут же начинал расспрашивать о книжных новинках. Так я стал ему в этом деле своеобразным «подносчиком снарядов». При этом он специально давал денег с запасом и шутил, что таким образом стимулирует приобретение только что вышедшей книги. Сдачу он категорически отказывался брать. Думаю, что несколько десятков книг за девять лет нашего знакомства я точно ему доставил.

Как Ковальчук созванивался с Граниным

Несколько раз, будучи в гостях у Ковальчука, я был свидетелем телефонного разговора между ним и Даниилом Граниним. Даже если Валентин Михайлович был очень занят, тем не менее он всегда брал трубку, и разговор начинался. Разговаривали они по-военному четко, сразу же озвучивая тему, и не отклонялись от нее. При этом чувствовалось по интонации, с какой искренней симпатией и уважением по отношению друг к другу оба воспринимали эту беседу. Точно так же вел себя Гранин, когда ему звонил Ковальчук. Однажды я стал свидетелем этому. Я видел, как Даниил Александрович искренне обрадовался звонку питерского историка. У него даже голос потеплел, а с лица не сходила улыбка. Когда разговор закончился, Гранин посоветовал мне познакомиться с книгами Ковальчука и был обрадован, узнав о нашем творческом сотрудничестве.

Дискуссии с Валентином Михайловичем

Удивительно, но с Ковальчуком у нас никогда не было споров. Были дискуссии. Споры чаще всего порождают взаимные упреки, после чего собеседники нередко долго обижаются друг на друга. У нас такого не бывало. Валентин Михайлович всегда оставался на редкость деликатным человеком. Он обязательно выслушивал собеседника до конца, затем аргументированно мог возразить, но никогда не делал этого в резкой форме.

Я не помню случая, чтобы он обиделся на мои замечания, касавшиеся оценки его произведений. А замечания или пожелания, естественно, возникали, как у каждого человека, занимающегося аналогичной исторической темой. Но сора из избы мы старались не выносить. Мы обсуждали материал, дискутировали о нем и чаще всего приходили к общему выводу.

Помню, что Ковальчук не обиделся на меня, когда я прислал свои замечания к тексту его книги «900 дней блокады. Ленинград 1941–1944», вышедшей в издательстве «Дмитрий Буланин» в 2005 году. Валентин Михайлович согласился с некоторыми замечаниями и намеревался в новом издании сделать правки.

Ковальчука уже нет с нами, поговорить мы уже никогда не сможем, но каждый раз, беря в руки книгу «Магистралы мужества», радуюсь надписи на титульном листе: «Настоящему историку Юрию Лебедеву, который несправедливо не считает себя историком». Спасибо Вам, Валентин Михайлович, за эту оценку!

ФЕВРАЛЬ 2014 ГОДА

Мои воспоминания¹

Я был свидетелем прихода Валентина Михайловича в институт. Появился полковник береговой службы, внешне очень красивый человек в морской форме. Я увидел его, когда он шел из кабинета Н. Е. Носова в кабинет ученого секретаря. Это был единственный раз, когда я видел В. М. в форме, потому что потом в институте он никогда больше в форме не появлялся. Это был, скорее всего, 1961 год. Он был зачислен младшим научным сотрудником, хотя был уже доцентом, кандидатом военно-морских наук. В этой должности он проработал 7–8 лет. Группой тогда заведовал Сергей Иосифович Аввакумов. Так В. М. начал свою академическую карьеру.

Очень быстро В. М. стал заниматься тем, что впоследствии стало темой его докторской диссертации: коммуникации Ленинграда во время блокады. Этой проблеме была посвящена и его книга. Он защищался в нашем институте, и я был на его защите. Помню выступление бывшего командующего Балтийским флотом Трибуца. В то время В. М. включился в работу над пятым томом «Очерков истории Ленинграда», который тогда готовился. Ретроспективно могу сказать, что создавалось впечатление, что он очень быстро вошел в коллектив. Может быть, это поверхностное впечатление, но в меня это глубоко засело. Надо сказать, что у него здесь были знакомые. Они были хорошо знакомы и на «ты» с А. Г. Маньковым, вместе учились на истфаке. Кажется, у него были какие-то отношения и с Д. И. Петрикеевым.

Хочу сказать, что В. М. — пример человека, который быстро сменил сферу своей основной деятельности и занялся совершенно другой проблематикой. Он как бы прожил две профессиональные жизни: одна была связана с военно-морским ведомством, а вторая — с институтом. В. М. стал профессиональным историком. Конечно, он закончил истфак, но я не знаю, кто был его учителем на истфаке и какие знания он вынес оттуда, но я видел, как он быстро набирал форму историка. Эти две профессиональные жизни были очень почтенными, потому что на военно-морской службе он достиг звания полковника, а здесь он стал доктором исторических наук, очень успешно заведовал отделом. Думаю, что это непростое дело — менять образ своей профессиональной деятельности так сходу. В. М. это сумел, и для него эти две профессиональные жизни были естественными. Я знаю, что

¹ Выступление на заседании отдела современной истории России СПбИИ РАН, посвященном памяти В. М. Ковальчука 12 ноября 2013 г.

во время службы на флоте у него был выпущен курс лекций, но это не то, чем он занимался здесь, в институте. Здесь он вошел в коллектив и стал одним из значительных сотрудников нашего института (он набирал силу), с которым стали считаться. Он быстро врос в наш коллектив. Конечно, не всё было просто, были и какие-то конфликты, и было довольно сложно восстановить внутренние отношения, но в общем он занимал достойное место в институте и, как я представляю, достойно вел себя.

Мы жили по соседству...

Летом далекого 1949 года я познакомился с красивой девушкой, студенткой 1-го курса педагогического института Эдей, которая жила с мамой и тетей на Лермонтовском проспекте в доме 30 в большой коммунальной квартире номер 38. Среди многочисленных интеллигентных соседей ярко выделялась семья Ковальчуков, родственников Единой мамы. Главой был Валентин Михайлович, преподаватель истории Военно-морской академии, а душой семьи — мудрейшая и добрейшая Мариам Абрамовна, преподаватель истории КПСС на геологическом факультете ЛГУ. А дополняли этот коллектив двое малолетних сорванцов — Миша и Юра.

С первых же встреч Валентин Михайлович произвел на меня неизгладимое впечатление: высокий, красивый, подтянутый полковник, которому так шла морская форма. Умный, эрудированный, открытый, порядочный и внимательный к людям, он сразу принял участие в моей судьбе. Мы часто беседовали о жизни, о войне, флоте, истории, культуре и о спорте, в котором я в то время активно участвовал. Он мне советовал, на что обратить внимание при чтении исторической литературы, мемуаров, как обращаться со справочниками, энциклопедиями, как свободно себя чувствовать в книжных магазинах. По его совету я записался в Центральную военно-морскую библиотеку в Михайловском замке, книги которой так помогли мне в дальнейшей жизни. Очень быстро у нас с ним возникла симпатия друг к другу, которая сохранилась на долгие годы. Я бы даже сказал, что в то время это было «не по чину»: полковник, ученый и простой матрос, за плечами которого была только школа выживания в страшной войне и неумемное желание учиться. Я поступил только в 7 класс вечерней школы в Кронштадте, но был уверен, что смогу закончить исторический факультет ЛГУ.

Лучше меня о том времени напишет в своих «Автобиографических набросках» Михаил Ковальчук, старший сын Валентина Михайловича, член-корреспондент Академии наук: «Эдя была настоящая красавица типажа Элины Быстрицкой, ухажеры за ней вились толпами. Помню, у всех был полный шок, когда наша красавица и умница вышла замуж за кронштадтского матроса Лёшу Хмырова, простого, малообразованного парня.

С Эдей они оказались на редкость гармоничной и красивой парой. Конечно, он первое время тянулся за своей умной и образованной женой... а потом поступил на вечернее отделение исторического факультета ЛГУ,

закончил его и стал учителем истории, директором школы... с ним мы до сих пор общаемся, он остался для меня образцом целеустремленности»¹.

После свадьбы я поселился в этой удивительной квартире, и наше общение с Валентином Михайловичем стало более тесным и теплым.

Замечательная жизнь была в нашем коммунальном мире № 38, таком типичном для Ленинграда той поры. Только что отгремела война. В 1947 году отменили карточки, постепенно стали понижать цены на продукты и предметы первой необходимости. Народ вздохнул с облегчением. Большого социального расслоения не было, все одинаково жили бедно, тесно, но с чувством сострадания и взаимовыручки.

Жизнь наша была похожа на сельскую общину: общие заботы, радости, печали, совместный скромный быт, с точки зрения сегодняшнего дня.

В квартире не было ванной комнаты, но рядом на Усачёвом переулке были гостеприимные бани. Уходили в прошлое примуса и керосинки, взамен стали появляться газовые плиты. Постепенно на смену печному отоплению пришло паровое. Не было холодильников, а продукты хранились в деревянных ящиках с прорезями за окном.

Телевизоров тоже пока не было, зато больше времени уделяли общению друг с другом. А когда мы наконец приобрели небольшой телевизор с линзой, его негде было поставить в нашей 12-метровой комнате. Думали недолго, выбрали самую большую комнату в квартире и вечерами всем коллективом смотрели передачи.

А общая кухня? Это же был просто клуб общения, дружбы, взаимовыручки. У каждой семьи был свой небольшой уголок со столом и полками, где хранилось всё необходимое для жизни. Здесь готовили, варили, стирали, гладили, что-то пришивали. Здесь пекли общие пироги, отмечали дни рождения. И если вдруг у кого-то заканчивалась соль, крупа, мука, подсолнечное масло или спички, все спешили на помощь. Это нескончаемое общение, к сожалению, ушло в прошлое. Но невозможно забыть разговоры, обмен новостями, обсуждение прочитанных книг или последних фильмов и спектаклей. Ну и, конечно, сообщения о том, что где дают.

На всех была только одна раковина с краном холодной воды, но все этим замечательно обходились, и было неудивительно, когда вечерами полковник Валентин Михайлович мыл здесь голову, а жена Мариам Абрамовна, с кем-то беседуя, поливала ее теплой водой. Мы не обращали внимания на эти неудобства. Тогда были какие-то другие, важные духовные ценности. Пусть не было ничего лишнего в гардеробе, но зато у нас с Эдей, как и у четы Ковальчуков, были абонементы в Мариинский театр, подписка

¹ *Ковальчук М.* Автобиографические наброски. Научно-популярные и концептуальные статьи. Т. 1. М.: ИКЦ «Академкнига», 2011. С. 32–33.

на любимые книги и желание жить, учиться и строить свою жизнь. Мы все были устремлены в будущее.

В 60-е годы в Ленинграде начнется большое жилищное строительство — тысячи семей переедут в отдельные квартиры. Как же тяжело они будут прощаться с соседями, с которыми вместе столько пережили. Потихоньку менялась и наша коммуналка. Получили квартиру и уехали Ковальчуки, вскоре и мы переехали в Купчино. Но наша дружба сохранилась на долгие годы. Мы не переставали общаться и вспоминать счастливое общее прошлое. Но это еще будет впереди, а пока вернемся в далекие 50-е годы.

Мне посчастливилось увидеть рядом настоящую семью — семью Ковальчуков. Она была шумной, веселой и очень доброжелательной. Я видел тепло и понимание близких людей, которые и создавали неповторимый домашний уют. Их всевозможные эмоции, таинственные путешествия, игры, неподдельная радость за успехи друг друга — для меня это была настоящая школа подлинной семейной жизни. Валентин Михайлович был великодушным семьянином, образцовым мужем. Его восхижительное отношение к Мариам Абрамовне, которую он, шутя, называл «своим руководством», не могли никого оставить равнодушным. Цветы, подарки он всегда с радостью преподносил своей любимой жене. Я никогда не видел их раздраженными или неприветливыми друг к другу.

Валентин Михайлович и Мариам Абрамовна были прекрасными родителями. Они вырастили и воспитали прекрасных сыновей, дали им достойное образование и «поставили их на крыло». Михаил сегодня уважаемый человек, большой ученый и телеведущий, руководитель Курчатковского института в Москве. А Юрий — один из влиятельнейших людей в бизнесе и политике.

Мальчишки росли на моих глазах. Я больше дружил с Мишей, потому что он был постарше и тянулся ко мне. Я для него был кумиром: бравый моряк с такой завораживающей морской формой и бескозыркой с ленточками. Когда я приезжал из Кронштадта, он не отходил от меня ни на шаг. Это был приятный, открытый и добрый мальчик с любознательным и непоседливым нравом. Для родных, друзей и знакомых он был общим любимцем. Эти качества он сохранил и во взрослой жизни. Когда я поселился в этой квартире, я с удовольствием проводил с ним много времени: учил кататься на лыжах и коньках, играть в футбол и хоккей. Мы вместе ездили на стадионы, на каток в Юсуповский сад, где я в то время работал тренером. В своих воспоминаниях он напишет: «Лёша был мастером спорта по хоккею с мячом, собственно он и привил мне любовь к спорту»².

Валентин Михайлович, естественно, был мне благодарен за теплое отношение к Мише.

² Там же. С. 32.

У Ковальчуков всегда был открытый, гостеприимный дом, где постоянно собирались родственники, друзья, сослуживцы, имели удовольствие бывать у них и мы с Эдей. Для меня открылся мир высоких человеческих отношений, мир талантливых, одаренных, высокообразованных культурных людей. Я с широко открытыми глазами смотрел на окружающих, внимательно слушал их разговоры, впитывал в себя, как губка, всё новое для меня. Я еще с войны жил по принципу одного мудреца: «Ты мне не друг и не враг, а каждый мне учитель».

Несмотря на то, что я много работал и учился, были моменты, когда мы вместе с семьей Валентина Михайловича отдыхали. Как же без этого! Приведу несколько примеров.

Когда мы жили на Лермонтовском, то часто вместе посещали наш «придворный» кинотеатр «Рекорд», а потом долго обсуждали просмотренные фильмы. У одного из первых на нашей улице у Валентина Михайловича появилась машина «Победа». Всей семьей Ковальчуки в выходные стали выезжать на природу, приглашали они и нас.

Летом наша семья часто отдыхала у друзей в Латвии в рыбацьем городке Салацгрива. Однажды на республиканский праздник День рыбака к нам приехали Ковальчуки. Мы вместе наслаждались удивительной атмосферой необычного празднования. Но особенно мне запомнился совместный отдых в доме отдыха «Зеленый бор» под Лугой в августе 1981 года. Там по дорожкам гуляли и беседовали три доктора наук, профессора: Валентин Михайлович Ковальчук, Михаил Павлович Ирошников и друг семьи Николай Иванович Колитеевский, который мне очень нравился своим остроумием, талантливостью и умением замечательно рассказывать истории. С ними вместе отдыхал и я, к тому времени уже новоиспеченный кандидат исторических наук. Прекрасная природа, сосновый лес, живописная речка, свобода, интересные собеседники — всё это сделало тот месяц незабываемым. Мы много гуляли, загорали, купались, наслаждаясь общением и природой. К сожалению, это благодатное место, где отдыхали тысячи ленинградцев, перестало существовать. Землю выкупил московский банк, огородил свою теперь территорию и поставил охрану. Грустная примета нашего времени.

Но вернемся в Ленинград. Меня очень привлекало в Валентине Михайловиче его мужское начало во всем: это и твердость характера, и цельность, и целеустремленность. Он всегда умел постоять за себя и за свою семью. Он знал себе цену. Мне было с ним легко и интересно. Он прекрасно знал историю города, много рассказывал мне об архитектуре, музеях, литературных местах. Эту любовь в какой-то мере передал и мне. Я многому у него учился. В те годы он заменил мне старшего наставника и друга. Наше общение принесло замечательные результаты. В 1953 году я поступил на вечернее отделение исторического факультета ЛГУ. Параллельно

заканчивал и заочное отделение физкультурного училища. После окончания ЛГУ в 1959 году я начал работать в школе сначала учителем, затем завучем, а в 1961 году, когда мир взорвал первый полет в космос Юрия Гагарина, у меня начался успешный 47-летний директорский марафон. Благодаря этому в наших отношениях с Валентином Михайловичем появились новые тона: мы стали сотрудничать, обсуждая важные вопросы педагогики и истории. Ученый, заведующий отделом Института истории СССР Академии наук, он с интересом просматривал учебники истории старших классов, делал свои замечания. Мы вместе анализировали современные учебные программы и по своим линиям влияли на их улучшение. К сожалению, сегодня эта проблема приобрела грандиозные масштабы. Обсуждали мы и создание системы военно-патриотического воспитания школьников. Валентина Михайловича радовали мои успехи: об опыте в школе № 261 Октябрьского района писали тогда в газетах, меня приглашали выступать по радио и в телепередачах. Его всегда волновали проблемы обучения и воспитания школьников, об этом он писал статьи, выступал в средствах массовой информации, встречался с работниками народного образования. До начала 90-х годов государство с вниманием относилось к воспитанию подрастающего поколения, но потом почему-то решили, что школа должна только обучать, а воспитанием должна заниматься семья. Теперь спохватились, но многие замечательные традиции уже потеряны. Всё нужно начинать сначала.

Я часто бывал у Валентина Михайловича в Ленинградском отделении Института истории СССР, где он был заведующим отделом истории советского общества. Мне нравилась научная атмосфера института: заседания, диспуты, уважительное отношение сотрудников друг к другу, высокий авторитет Валентина Михайловича.

У нас появились общие друзья. Это и Михаил Павлович Ирошников, доктор исторических наук, профессор, интересный человек, успешный ученый, с которым мы не только обсуждаем научные проблемы, но и вместе болеем за «Зенит». И мой научный руководитель Александр Завельевич Ваксер, также доктор исторических наук, профессор, фронтовик, одаренный ученый, человек высокой культуры и добра.

Интерес к новому, желание больше узнать, дотянуться до научного мира заставили меня поступить в заочную аспирантуру ЛГПИ им. А. И. Герцена. И здесь опять во многом мне помог Валентин Михайлович. Он давал мне консультации, нужные советы, передал мне бесценный опыт работы в архивах, в публичных библиотеках Москвы и Ленинграда.

Мне это очень помогло в подборе нужных материалов, сдаче экзаменов, в написании диссертации и автореферата, сборе отзывов. А главное, мне очень помогла его моральная поддержка на защите диссертации 20 декабря 1980 года. Когда из Москвы пришло известие о присвоении мне звания

кандидата исторических наук, я сразу позвонил Валентину Михайловичу со словами сердечной благодарности. Я был счастлив, ведь сумел сделать даже больше, чем мечтал в молодости. Мне очень повезло, что на моем жизненном пути встречались замечательные люди, одним из которых, бесспорно, являлся Валентин Михайлович Ковальчук. Именно о таких людях писал поэт Булат Окуджава:

Совесь, благородство и достоинство — вот оно, святое наше воинство.
Протяни ему свою ладонь, за него не страшно и в огонь.

Апрель 2014 года

О Валентине Михайловиче Ковальчуке и его трудах¹

В 1957 году я был зачислен в заочную аспирантуру Ленинградского отделения Института истории АН СССР. Через год, в 1958 году, перешел на работу в Ленинградскую группу Института славяноведения АН СССР (до этого работал в Государственном музее Великой Октябрьской революции, который ныне преобразован в Музей политической истории России). Ленинградская группа Института славяноведения была немногочисленной, и ее сотрудники состояли на профсоюзном учете в ЛОИИ. Это сблизило нас с коллективом ЛОИИ. Примерно в то же время начал работать в ЛОИИ и Валентин Михайлович Ковальчук. Его, в прошлом окончившего исторический факультет Ленинградского университета, хорошо знали многие сотрудники ЛОИИ, и он очень быстро вошел в работу небольшого тогда коллектива ЛОИИ.

23 апреля 1963 года я начал работать в ЛОИИ на должности младшего научного сотрудника. Моя работа в ЛОИИ началась с того, что я участвовал в подготовке пятого тома «Очерков истории Ленинграда». Работой руководили Сергей Иосифович Аввакумов и Валентин Михайлович Ковальчук. Вскоре С. И. Аввакумов скончался, и на плечи В. М. легли обязанности и заведующего сектором истории советского общества, и руководителя авторского коллектива пятого тома «Очерков истории Ленинграда». Для этого тома я написал главу «Вторая блокадная зима». В. М. как ответственный редактор тома был очень внимателен. До обсуждения на заседании сектора он несколько раз просматривал подготавливаемый мною текст и сделал много полезных замечаний. В. М. помог нам и во время работы в архиве Ленинградского обкома КПСС (в обиходе называемом партархивом). Там были очень строгие правила, а благодаря хлопотам В. М. мы имели возможность познакомиться с картотекой архивных документов, относившихся к истории обороны Ленинграда, составленной в созданном тогда отделе истории Великой Отечественной войны Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС. Ознакомление с этой картотекой обеспечило нашу работу в Ленинградском партийном архиве.

В пятом томе «Очерков истории Ленинграда» В. М. написал главы, посвященные боевым действиям под Ленинградом. У него уже был опыт

¹ Выступление на заседании отдела современной истории России СПбИИ РАН, посвященном памяти В. М. Ковальчука 12 ноября 2013 г.

работы по военной истории. Одновременно с подготовкой к изданию пятого тома «Очерков» в ЛОИИ опять-таки под руководством В. М. велась большая работа над сборником воспоминаний участников обороны Ленинграда. Надо отдать должное В. М. — он сумел привлечь к участию в этом сборнике несколько известных военачальников, в числе которых были маршал Советского Союза К. А. Мерецков, адмиралы Н. Г. Кузнецов и Ю. А. Пантелеев, главный маршал авиации А. А. Новиков, генералы армии М. М. Попов и И. И. Федюнинский, генералы Г. Ф. Одинцов и Б. В. Бычевский. Их воспоминания вошли в состав первой части сборника «В боях за Ленинград». Во вторую часть сборника вошли воспоминания партийных и советских работников, руководителей предприятий и учреждений, инженеров, врачей, учителей. Были в этом разделе, например, воспоминания Е. С. Лагуткина, в годы войны возглавлявшего МПВО Ленинграда. Вошедшие во вторую часть воспоминания представляют стенографические записи, хранившиеся в архиве Ленинградского обкома и горкома КПСС. В воспоминаниях, вошедших в сборник «Оборона Ленинграда», было много интересных суждений, оценок, деталей, существенно дополнявших те сведения, которые можно извлечь из сохранившихся документов, и позволявших более полно представить события 1941–1944 годов.

Под руководством В. М. сборник воспоминаний «Оборона Ленинграда» готовили к изданию научные сотрудники ЛОИИ Л. И. Деревнина, В. В. Петраш, О. Н. Знаменский, С. Н. Семанов и внештатный научный сотрудник Института истории партии Ф. М. Ильясов. Обязанности ответственного редактора сборника взял на себя А. М. Самсонов, специалист по истории Отечественной войны, в те годы директор издательства «Наука». Предисловие к сборнику написал маршал Советского Союза, начальник Генерального штаба М. В. Захаров. Участие М. В. Захарова, как я полагаю, очень помогло изданию сборника воспоминаний «Оборона Ленинграда» в той обстановке, которая сложилась в исторической науке в конце 1960-х годов. Незадолго до выхода в свет этого сборника объектом проработки со стороны Комитета партийного контроля при ЦК КПСС стала книга А. М. Некрича «22 июня».

Возглавляя отдел истории советского общества в ЛОИИ, В. М., наряду с изучением других проблем, таких как история Октябрьской революции 1917 года и история Советского государства, много внимания уделял истории Великой Отечественной войны, в частности, истории обороны Ленинграда. Он возглавлял ряд коллективных работ и вместе с тем написал несколько монографий. Под руководством и при участии В. М. были осуществлены три издания коллективного труда «Непокоренный Ленинград. Краткий очерк истории города в период Великой Отечественной войны» (Л., 1970; 2-е изд., перераб. и дополн. Л., 1974; 3-е изд., перераб. и дополн. Л., 1985). Этот коллективный труд, рассчитанный на самого широкого чи-

тателя, суммируя всё то, что было сделано до того, вместе с тем вносил в изучение истории Ленинграда в годы войны много нового. Серьезно был расширен круг источников, прежде всего архивных. В частности, сам В. М., написавший для этой книги главы «Помощь Большой земли. Ладожская Дорога жизни» и «Навигация 1942 г. на Ладожском озере», первым из советских историков широко использовал документы, хранившиеся в Архиве Министерства обороны. Проблеме коммуникаций, связывавших осажденный Ленинград с Большой землей, В. М. уделяет большое внимание. Заметим попутно, что эта тема перекликалась с его прежними изысканиями. В 1965 году в т. 75 «Исторических записок» была напечатана статья В. М. «Из истории обороны Севастополя в годы Великой Отечественной войны (Защита коммуникаций)». Этой проблемой В. М. занимался в годы своей военной службы. Теперь же он обращается к истории коммуникаций блокадного Ленинграда. Углубленно занимаясь этой темой, В. М. написал и издал несколько монографий: «Ленинград и Большая земля. История Ладожской коммуникации блокированного Ленинграда в 1941–1943 гг.» (Л., 1975), «Дорога Победы осажденного Ленинграда. Железнодорожная магистраль Шлиссельбург — Поляны (1943)» (Л., 1984), «Магистралю мужества» (СПб., 2001).

Создав несколько капитальных монографий, В. М. вместе с тем много сил и времени посвятил участию в коллективных трудах и в подготовке сборников документов. В начале 1980-х годов к 40-летию победы в Великой Отечественной войне было предпринято издание коллективного труда «В годы суровых испытаний. Ленинградская парторганизация в Великой Отечественной войне» (Л., 1985). В написании этой книги приняли участие научные сотрудники двух учреждений: Института истории партии и ЛОИИ. Ответственным редактором книг был В. М. Им же были написаны главы «Борьба за Ленинград — одно из величайших сражений Великой Отечественной войны» и «Во главе народной борьбы в тылу врага».

В середине 1990-х годов историческая наука переживала трудное время. Несмотря на многочисленные трудности, ученые, в том числе и ленинградские историки, продолжали свою работу. Свидетельством того, что изучение истории обороны Ленинграда продолжалось, был выход в свет под грифом Ассоциации историков блокадного Ленинграда коллективного труда «Ленинград в борьбе. Месяц за месяцем» (Л., 1994) и сборника статей «Ленинградская эпопея. Организация обороны и население города» (Л., 1995). В. М. был автором статей и в первом, и во втором из вышеназванных изданий. В составе редколлегии сборника статей «Ленинградская эпопея» были В. М., В. А. Шишкин и Н. А. Ломагин.

Оборона Ленинграда — событие, занявшее особое место и в истории нашей страны и нашего государства, и в истории человечества. Тем более

было обоснованным, что история обороны Ленинграда заняла особое место в издании, посвященном юбилею Санкт-Петербурга — Петрограда — Ленинграда «Санкт-Петербург. 300 лет истории» (СПб., 2003). В этом издании глава 6 «Великая Отечественная война» была написана В. М. В главе была представлена общая картина трудной судьбы Ленинграда в дни войны и блокады. Вскоре из-под пера В. М. вышла монография «900 дней блокады Ленинграда» (СПб., 2005), в известной мере подводившая итог не только работам самого В. М., но и других историков, изучавших историю обороны Ленинграда.

В. М. не только создал ряд ценных трудов по истории Ленинграда. Он много сделал для формирования школы историков, специалистов по изучению новейшей истории нашей страны.

II. ЛЕНИНГРАДСКИЙ «РЕКВИЕМ»: ИСТОРИЯ С ПРОДОЛЖЕНИЕМ

В середине 1960-х годов в процессе работы над пятым томом «Очерков истории Ленинграда», посвященным периоду Великой Отечественной войны, два сотрудника сектора советского общества Ленинградского отделения Института истории АН СССР – Валентин Михайлович Ковальчук и Геннадий Леонтьевич Соболев – пришли к заключению, что официальная цифра потерь ленинградцев от голодной блокады – 632 253 человека в свете вновь изученных опубликованных и неопубликованных материалов нуждается в уточнении. Они подготовили статью и предложили ее академическому журналу «Вопросы истории». К сожалению, по неизвестным для авторов причинам и без их согласия статья вышла в сильно сокращенном виде и не в основном разделе журнала «Статьи», а в разделе «Заметки». Видимо, редакция журнала не хотела привлечь много внимания к этой публикации ленинградских историков. Напомним, это было время, когда еще не были официально признаны данные об общих потерях Советского Союза в Великой Отечественной войне – 20 миллионов человек. В частных беседах московские историки признавались авторам статьи, что ее выхода они ждали с нетерпением, так как, ссылаясь на пересмотр данных о гибели ленинградцев в блокированном Ленинграде, им было бы легче ставить перед руководством страны вопрос и о более глубоком и тщательном изучении общей численности потерь СССР в этой войне.

Однако публикация статьи получила совсем не тот отклик, на который рассчитывали историки. Ниже мы публикуем статью В. М. Ковальчука и Г. Л. Соболева «Ленинградский “реквием”» и ряд документов, рассказывающих о продолжении и завершении этой истории.

Ленинградский «реквием»

(О жертвах населения в Ленинграде в годы войны и блокады)

В истории Великой Отечественной войны особое место занимает оборона Ленинграда. Понимая политическое, хозяйственное и военное значение города для Советской страны, немецкое командование стремилось захватить его любой ценой. Оборона Ленинграда являлась не только важнейшей стратегической задачей, она имела и огромное морально-политическое значение. Двадцать девять месяцев ленинградцы самоотверженно сражались за свой город. Никакие лишения и страдания, вызванные голодной блокадой, не могли сломить их дух, поколебать верность Родине.

Героическая оборона города Ленина стала символом стойкости, мужества и непобедимости советского народа, его морально-политического единства. В течение всего периода блокады шла упорная борьба за спасение жизни населения города. Строительство в труднейших условиях Ладожской трассы, по которой страна посылала продовольствие блокированному Ленинграду, организация стационаров и лечебного питания, массовая эвакуация детей, женщин, стариков и другие меры — все это помогло сохранить жизнь значительной части населения. Но многих спасти не удалось. Гибель сотен тысяч мирных жителей от мук голода навсегда останется одним из гнуснейших преступлений человеконенавистнического фашизма.

В мае 1943 г. в еще не освободившемся от оков блокады Ленинграде решением городского и областного комитетов партии была создана под председательством секретаря ЛГК ВКП(б) А. А. Кузнецова городская комиссия по установлению и расследованию злодеяний немецко-фашистских захватчиков и их сообщников. Такие же комиссии были организованы в каждом районе города. Установлением ущерба и расследованием злодеяний немецких фашистов в Ленинграде и его пригородах занималось 6445 комиссий; в их работе участвовало более 31 тыс. человек, в том числе партийные, хозяйственные и общественные деятели, виднейшие представители науки, культуры и искусства¹. В результате большой работы, проделанной городской и районными комиссиями, в 1945 г. был подготовлен «Доклад в Чрезвычайную государственную комиссию об итогах расследования злодеяний и учета ущерба, причиненного Ленинграду в годы войны и блокады»² и опубликован «Акт Ленинградской городской комиссии»³. В «Докладе» отмечалось, что в Ленинграде вследствие бомбежек и артиллерийских обстрелов было убито 16747 человек и ранено 33782, а в результате голодной блокады погибло 632253 человека⁴. Эти цифры приводились в качестве одного из обвинений немецко-фашистских преступников на Нюрнбергском процессе и были опубликованы в изданных в 1952 г. материалах процесса⁵, после чего вошли в литературу по истории Ленинграда периода Великой Отечественной войны⁶.

¹ Ленинградский государственный архив Октябрьской революции и социалистического строительства (ЛГАОРСС). Ф. 8557. Оп. 7. Д. 40. Л. 16–19.

² Там же. Д. 40.

³ Акт Ленинградской городской комиссии о преднамеренном истреблении немецко-фашистскими варварами мирных жителей Ленинграда и ущербе, нанесенном хозяйству и культурно-историческим памятникам города за период войны и блокады. М., 1945.

⁴ ЛГАОРСС. Ф. 8557. Оп. 7. Д. 40. Л. 35, 39.

⁵ См.: Нюрнбергский процесс. Сборник материалов, Т. I. М., 1952. С. 582, 584.

⁶ См., например: *Карасев А. В.* Ленинградцы в годы блокады. М., 1959. С. 185; *Павлов Д. В.* Ленинград в блокаде (1941 год). М., 1961. 2-е изд. С. 139; *Худякова Н. Д.* Вся страна с Ленинградом. Л., 1960. С. 57; и др.